
UC-NRLF
$B 91 193

Herzenstein, Mikhail Iakovlevich

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ
„ВѢСТНИКЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА",
журнала Моск. Общества Сел. Хозяйства.

Проф. М. Я. ГЕРЦЕНШТЕЙНЪ.

Agrarnyi vopros

Аграрный вопросъ

въ программахъ различныхъ партій.

Соціалъ-демократы.
Соціалисты-революціонеры.
Соціалистическія партіи во Франціи и въ Германіи.
Партія демократическихъ реформъ.

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Бол. Никитская, близъ Кудрина. д. Шапошниковой.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Аграрный вопросъ въ программахъ различныхъ партій.

I. Программа соціалъ-демократической партіи.

Аграрная программа соціалъ - демократической партіи вытекаетъ изъ опредѣленнаго міросозерцанія, имѣющаго многочисленныхъ сторонниковъ. Поэтому я считаю необходимымъ остановиться на ней подробнѣе, чтобы выяснить, въ какой мѣрѣ ученіе, выросшее на почвѣ капиталистическаго производства, пользующееся такимъ успѣхомъ среди городского пролетаріата, отвѣчаетъ нуждамъ деревни.

Стоило только обратиться къ германской соціалъ-демократіи, давно уже намѣтившей общій планъ, чтобы формулировать основные пункты программы. Но имѣетъ ли наша соціалъ-демократія подъ собою ту почву, которая создала силу этой партіи въ Германіи? Какъ извѣстно, классъ занятыхъ въ промышленности рабочихъ у насъ немногочисленъ, и преобладающее значеніе во всемъ экономическомъ строѣ имѣютъ не вопросы городскихъ классовъ населенія и городского пролетаріата, а крестьянскій вопросъ. Можетъ ли разсчитывать на успѣхъ въ деревнѣ наша соціалъ-демократія, желающая убѣдить преобладающій классъ населенія, что для осуществленія идеала необходимо предварительно всеобщее разореніе? Эта партія не можетъ, по моему мнѣнію, разсчитывать на распространеніе въ деревнѣ еще потому, что, благодаря недостаточному знакомству съ экономическими условіями страны, съ состояніемъ промышленности и съ условіями крестьянскаго хозяйства, болѣе или менѣе отдаленный идеалъ принимаетъ у насъ нерѣдко характеръ ближайшей задачи, подлежащей немедленному осуществленію. То, что въ Германіи является результатомъ продолжительной парламентской борьбы и имѣетъ прочное основаніе въ правосознаніи населенія, что вытекаетъ изъ условій экономи-

ческаго развитія, у насъ нерѣдко является результатомъ пропаганды, обладающей будто бы такою магическою силою, что способна превратить въ нѣсколько недѣль безсознательныхъ рабочихъ въ сознательныхъ.

На чемъ покоится сила германской соціалъ-демократіи? Она исходитъ отъ основной идеи, что концентрація производства приводитъ къ извѣстнымъ экономическимъ результатамъ, независимо отъ нашихъ симпатій; что эти результаты опредѣляютъ соціальную конструкцію общества и приводятъ къ постепенному осуществленію идеала. Такимъ образомъ, идеалъ этотъ прямо вытекаетъ изъ существующихъ условій производства, основанъ на исторіи.

Соціалъ-демократія есть партія промышленнаго рабочаго класса; она возникла въ городахъ съ развитою промышленностью и отвѣчаетъ прежде всего интересамъ, нуждамъ и идеаламъ городского рабочаго. Процессъ развитія промышленности, концентрація капиталовъ, вытѣсненіе ремесла капиталистически организованными предпріятіями, поглощеніе мелкихъ предпріятій крупными,— все это намѣчало опредѣленный, совершенно ясный путь, который безъ всякихъ потрясеній, безъ ломки долженъ привести къ торжеству соціалистическаго идеала. Здѣсь все ясно; сама жизнь должна привести къ реорганизаціи существующаго экономическаго строя. Преобразованіе въ сферѣ производства само собою приведетъ къ замѣнѣ частной собственности на землю и капиталъ общественною собственностью, и тогда наступитъ новая эра. Но промышленные рабочіе только часть населенія; на-ряду съ ними имѣются сельскіе классы, безъ активнаго участія которыхъ немыслима никакая реорганизація. Поэтому соціалъ-демократическій идеалъ можетъ быть достигнутъ лишь въ томъ случаѣ, когда сельское хозяйство будетъ подчиняться тѣмъ же законамъ развитія, какимъ подчиняется обрабатывающая промышленность. Если мелкое хозяйство должно уступить мѣсто крупному, крестьянинъ рано или поздно долженъ будетъ исчезнуть, земля будетъ концентрироваться въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа лицъ, и переходъ къ соціалистическому строю будетъ и здѣсь также неминуемъ, какъ въ промышленности.

Резолюціи, основанныя на признаніи полной аналогіи между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, принимались безъ всякой провѣрки, а изъ этого само собою вытекало, что крестьянству предстоитъ такая же участь, какая постигла ремесленниковъ.

Въ виду огромнаго значенія этого вопроса, я остановлюсь на постановленіяхъ соціалъ-демократическихъ конгрессовъ, посвященныхъ аграрному вопросу.

Принимая въ соображеніе, гласитъ постановленіе брюссельскаго конгресса 1868 г., что потребности производства и примѣненіе законовъ научнаго земледѣлія дѣлаютъ необходимымъ веденіе сельскаго хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ, приложеніе машинъ и совмѣстную дѣятельность болѣе многочисленныхъ рабочихъ массъ, и что въ общемъ современное экономическое развитіе имѣетъ тенденцію къ земельной культурѣ въ большомъ масштабѣ, конгрессъ полагаетъ, что экономическое развитіе современнаго общества въ силу общественной необходимости приведетъ къ превращенію земли въ коллективную, общественную собственность, и что земля, такъ же какъ и горные промыслы и желѣзныя дороги, должна быть государствомъ передана сельскохозяйственнымъ рабочимъ товариществамъ.

Такія идеи господствовали въ кругахъ соціалъ-демократовъ довольно долго, цѣлый рядъ конгрессовъ высказывался въ томъ же смыслѣ. Выраженная въ самой категорической формѣ Эккаріусомъ мысль, что „мелкое крестьянство такъ же относится къ современному крупному земледѣлію, какъ ручное пряденіе и ткачество къ машинному“, не вызывала никакихъ возраженій.

Если въ крупномъ земледѣліи 100 рабочихъ при комбинированномъ трудѣ съ помощью пара и механики могутъ производить столько же, сколько 300 мелкихъ крестьянъ при необычайныхъ усиліяхъ, то изъ этого (никѣмъ, конечно, не провѣреннаго) факта дѣлалось заключеніе, что „экономія предписываетъ упразднить мелкое крестьянское хозяйство повсюду, гдѣ оно существуетъ“. Никто изъ раздѣлявшихъ соціалъ-демократическія идеи не сомнѣвался, что „мелкое крестьянское хозяйство осуждено политически, соціально и экономически, что оно

нигдѣ себя не оправдало и нигдѣ не можетъ служить надежнымъ спутникомъ современной промышленности и соціальнаго прогресса, что оно пятое колесо въ колесницѣ соціально политическаго прогресса, свинцовая гиря, парализующая рабочее движеніе какъ во Франціи, такъ и на всемъ континентѣ".

Еще опредѣленнѣе высказаны тѣ же идеи на Базельскомъ конгрессѣ въ 1869 г. Конгрессъ принялъ резолюцію, что „общество въ правѣ упразднить индивидуальную собственность на землю и обратить ее въ общественную собственность", что это совпадаетъ съ интересами общества. Не только крупный капиталъ самъ по себѣ, гласитъ манифестъ женевской секціи, но и всѣ добытыя наукою и техникою средства, примѣняемыя въ крупномъ хозяйствѣ, неумолимо сокрушаютъ всякую конкуренцію мелкаго хозяйства. Крупное хозяйство производитъ дешевле, лучше и больше, и потому земля имѣетъ для него большую цѣнность; оно будетъ все больше и больше скупать вокругъ себя всѣ земли. Мало того, оно отвѣчаетъ интересамъ всего общества и становится необходимымъ условіемъ всеобщаго блага. Напротивъ, мелкое крестьянское хозяйство вслѣдствіе всемогущества капитала, вліянія науки, хода дѣйствительности и интересовъ всего общества безповоротно и безпощадно обречено на постепенную гибель.

Манифестъ предназначался для сельскаго населенія; онъ предлагалъ ему присоединиться къ городскимъ рабочимъ. Какъ замѣчаетъ Давидъ („*Соціализмъ и сельское хозяйство*", Спб. 1906, стр. 11.), успѣхъ манифеста былъ равенъ нулю. Ни въ Швейцаріи, ни въ южной Германіи не было сколько-нибудь значительныхъ массъ безземельныхъ рабочихъ, способныхъ къ предложенной организаціи земледѣльческихъ товариществъ, а мелкіе крестьяне съ довольно кислою миною реагировали на новое Евангеліе общественной собственности и коллективнаго хозяйства. То, что имъ проповѣдовали, было отрицаніемъ того, за что они такъ давно и горячо боролись. Они знали, что имъ не легко живется, но сравнительно съ тѣмъ, какъ жили ихъ отцы и дѣды, они все таки ушли впередъ. Если прежде они относились къ соціалистическому движенію безразлично, то теперь они начали къ нему относиться враждебно.

Хотя Либкнехтъ въ 70 годахъ и доказывалъ, что никто не думаетъ о немедленной экспропріаціи всѣхъ земельныхъ собственниковъ, и что соціалъ-демократы были бы сумасшедшими, если бъ вздумали провести силою постановленія Базельскаго конгресса противъ воли крестьянъ, но по существу онъ стоялъ цѣликомъ на той же почвѣ, на которой стояли члены конгресса. Недостаточный земельный доходъ при расточительной затратѣ труда и истощеніе почвы являются, по его мнѣнію, характерными чертами мелкаго хозяйства, въ противоположность крупному. Поэтому оно должно уступить ему мѣсто, какъ уже уступило въ промышленной сферѣ. Смертный приговоръ надъ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ уже произнесенъ, палліативными средствами можно только продлить его предсмертную агонію, но нельзя придумать никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для предотвращенія его гибели. Мало того, Либкнехтъ придавалъ паровому плугу такое же значеніе, какое въ обрабатывающей промышленности имѣли паровой ткацкій станокъ и прядильная машина. Паровой плугъ, по его мнѣнію, уничтожитъ мелкое хозяйство. Поэтому въ интересахъ крестьянъ стремиться къ замѣнѣ частной собственности общественною, но это должно быть сдѣлано не сразу и не противъ ихъ воли, ибо декретъ объ экспропріаціи побудилъ бы крестьянъ къ противодѣйствію, можетъ быть, даже къ возстанію, а государство должно избѣгать всего того, что можетъ подать поводъ крестьянамъ считать его своимъ врагомъ.

Какимъ же путемъ будетъ достигнута замѣна частной собственности общественною? Для этого намѣчается цѣлый рядъ мѣръ, прежде всего огосударствленіе ипотечнаго кредита, потомъ постепенный переводъ индивидуальнаго хозяйства въ товарищеское крупное, устройство образцовыхъ имѣній на государственныхъ земляхъ для передачи сельскимъ батракамъ. Частные собственники не въ состояніи будутъ бороться съ такимъ конкурентомъ и охотно согласятся на экспропріацію.

Такимъ путемъ личная собственность будетъ замѣнена товарищескою, а товарищеская превратится очень скоро въ государственную. Агитація среди сельскаго населенія

проложить путь къ осуществленію соціалистическаго идеала чрезъ посредство производительныхъ товариществъ. Въ этомъ смыслѣ высказался и Готскій конгрессъ 1875 г.; онъ призналъ, что „производительныя товарищества въ сферѣ промышленности и сельскаго хозяйства должны разрастись до такихъ размѣровъ, чтобы изъ нихъ могла возникнуть соціалистическая организація общества“.

Родоначальникомъ этихъ идей является Марксъ. Исчезновеніе мелкаго хозяйства представлялось ему неизбѣжнымъ. Крупное хозяйство въ земледѣліи оказываетъ революціонное дѣйствіе вслѣдствіе того, что уничтожаетъ опору стараго строя крестьянина и замѣняетъ его батракомъ. Благодаря этому въ деревнѣ возникаетъ такая же классовая борьба, какъ и въ городѣ. („Капиталъ“ томъ I, стр. 441 русск. пер., 2 изданіе).

Неминуемое исчезновеніе мелкаго хозяйства Марксъ объясняетъ цѣлымъ рядомъ причинъ, къ которымъ относятся: уничтоженіе домашнихъ промысловъ, которое составляетъ его нормальное дополненіе вслѣдствіе развитія крупной промышленности; постепенное обѣднѣніе и истощеніе почвы, подвергающейся такой культурѣ; захватъ крупными землевладѣльцами общинной собственности, которая повсюду составляетъ второе дополненіе мелкаго хозяйства, и только одна даетъ возможность держать скотъ; соперничество крупныхъ хозяйствъ, вводящихъ улучшенія, требующія большихъ затратъ, недоступныхъ мелкимъ хозяйствамъ. По самой сущности мелкая собственность исключаетъ общественныя формы труда, сосредоточеніе капитала, скотоводство въ крупныхъ размѣрахъ и прогрессивное приложеніе науки. Ростовщичество и система налоговъ должны вести ее повсюду къ гибели. Съ другой стороны, покупка земли отвлекаетъ капиталъ отъ культуры, а самое хозяйство связано съ расточительствомъ человѣческой силы. Прогрессивное ухудшеніе условій производства и вздорожаніе средствъ производства—неизбѣжный законъ мелкаго землевладѣнія (*Марксъ*, „Капиталъ“, томъ III, стр. 667).

Однако, въ дѣйствительности крестьянство, вопреки этимъ категорическимъ заявленіямъ, не только не поги-

баетъ, а съ теченіемъ времени только упрочиваетъ свое существованіе. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Давидъ, всѣхъ этихъ причинъ, вмѣстѣ взятыхъ, было недостаточно, чтобы убить паціента. Напротивъ, несмотря на всѣ недуги, онъ чувствовалъ себя со дня на день лучше именно въ тѣ періоды, когда по ученію соціалъ-демократіи онъ долженъ былъ уже близиться къ окончательной погибели. Объ абсолютномъ обнищаніи, которое считалось неизбѣжнымъ, теперь не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, можно констатировать экономическое и соціальное улучшеніе въ условіяхъ существованія крестьянской массы.

Съ поразительнымъ упорствомъ литература партіи попрежнему продолжала предвѣщать исчезновеніе мелкаго крестьянства. Въ одной весьма распространенной брошюрѣ, изданной въ 80 годахъ рабочею библіотекою, мы читаемъ слѣдующее: „Мелкій крестьянинъ, въ потѣ лица идущій за своимъ упряжнымъ плугомъ, пожинаетъ лишь десятую часть урожая, извлекаемаго его сосѣдомъ помѣщикомъ изъ земли, обрабатываемый паровымъ плугомъ, которымъ управляетъ какой-нибудь подростокъ... Какъ въ промышленности и торговлѣ, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ нужда поражаетъ только одну сторону: она разоряетъ мелкаго собственника, между тѣмъ, какъ крупный собственникъ отъ нея выгадываетъ и увеличиваетъ свои барыши... Число мелкихъ хозяевъ все убываетъ, а находящаяся подъ крупнымъ сельскохозяйственнымъ производствомъ земельная площадь постоянно увеличивается“. (*Давидъ*, стр. 18).

Этотъ кругъ идей положенъ въ основу эрфуртской программы. Тамъ, гдѣ земледѣліе стало преимущественно производствомъ на продажу, а не для собственнаго потребленія, крупное производство, не являясь даже болѣе производительнымъ, имѣетъ уже, по утвержденію Каутскаго (Эрфуртская прогр., Москва, 1905 г., стр. 14—19), то же преимущество сравнительно съ мелкимъ производствомъ, какое капиталистъ имѣетъ повсюду сравнительно съ ремесленникомъ, именно лучшее знаніе рынка и господство на немъ. Но имѣющій деньги крупный землевладѣлецъ или арендаторъ можетъ сдѣлать свое хозяйство бо-

лѣе производительнымъ, чѣмъ крестьянинъ; онъ можетъ завести и примѣнить лучшій инвентарь, лучшій скотъ для упряжи и на племя, лучшія сѣмена и т. д. Наконецъ, машина также сильно увеличиваетъ и въ этой области превосходство крупнаго производства. Гибель самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства приняла только другія формы, чѣмъ гибель мелкаго производства въ промышленности. Налоги увеличиваются, прогрессъ техники заставляетъ покупать машины, искусственное удобреніе, это вынуждаетъ крестьянина входить въ долги. Доходъ съ крестьянскаго хозяйства становится все менѣе и менѣе достаточнымъ для содержанія крестьянина. Крестьяне вынуждены прибѣгать къ постороннему заработку, а болѣе зажиточные основываютъ промышленныя товарищества, сыроварни, сахарные заводы и т. п. Но тутъ они опять попадаютъ въ сферу дѣйствія закона, въ силу котораго крупное производство побѣждаетъ мелкое.

Окончательный выводъ, къ которому приходитъ Каутскій, сводится къ слѣдующему: самостоятельное мелкое хозяйство исчезаетъ и тамъ, гдѣ крупное землевладѣніе не тѣснитъ его; мелкій крестьянинъ исчезаетъ. Не отказываясь отъ своей собственности, онъ превращается въ наемнаго рабочаго или поставщика на крупное промышленное заведеніе, и, наконецъ, дѣти его бѣгутъ въ городъ. Крестьянинъ и ремесленникъ также работаютъ на капиталиста, какъ и наемный рабочій.

Во всей этой аргументаціи, для обоснованія которой не приведено никакихъ убѣдительныхъ данныхъ, мелкій крестьянинъ ставится на равную линію съ ремесленникомъ, иногда и съ наемнымъ рабочимъ. Между крестьяниномъ и рабочимъ лишь та разница, что рабочіе получаютъ плату, соотвѣтствующую привычному уровню потребностей, тогда какъ для крестьянина такой нормы не существуетъ. При извѣстныхъ условіяхъ проценты ростовщику поглощаютъ весь продуктъ ихъ труда; благодаря частной собственности, они работаютъ даромъ.

Неудивительно, что такое ученіе могло возникнуть, но зато совершенно непонятно, какъ Каутскій продолжаетъ развивать тѣ же идеи теперь, когда выяснилось, что

условія крестьянскаго хозяйства начали уже измѣняться и начали уже сказываться послѣдствія коопераціи.

Реакція началась тогда, когда послѣ продолжительныхъ попытокъ привлечь крестьянскія массы выяснилось, что съ ихъ стороны можно ожидать только самаго упорнаго противодѣйствія, и нельзя было уже болѣе заблуждаться относительно настроенія деревни. И реакція появилась въ самой соціалъ-демократіи. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ Фольмаръ, баварскій депутатъ, доказывалъ, что сельско-хозяйственное развитіе не шло по тому пути, который былъ намѣченъ соціалъ-демократами; что въ дѣйствительности поглощеніе мелкихъ владѣній крупными не имѣло мѣста; что ни одинъ изъ тезисовъ, установленныхъ Марксомъ и его учениками, не можетъ быть примѣненъ къ сельскому хозяйству. Задолженность крупнаго землевладѣнія оказалась болѣе высокою, чѣмъ у крестьянъ; сложныя машины не получили у крупныхъ землевладѣльцевъ такого большого распространенія; паровой плугъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ; скотоводство оказалось болѣе подходящимъ промысломъ для средняго и мелкаго хозяйства, чѣмъ для крупнаго; то же еще въ большей степени относится къ разведенію плодовъ, виноградниковъ, овощей и промышленныхъ растеній. Нельзя также не считаться съ воззрѣніями самихъ крестьянъ; проповѣдь неминуемой гибели не могла ни въ какомъ случаѣ ихъ удовлетворить, потому что они ожидаютъ положительныхъ мѣръ для улучшенія своего положенія не въ соціалистическомъ строѣ, а въ настоящемъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на внутреннее противорѣчіе между самою жизнью и доктриною, сторонникамъ Каутскаго удалось отстаивать на конгрессахъ прежнюю точку зрѣнія. Поэтому проектъ аграрной программы, которая поставила защиту крестьянства въ число основныхъ требованій, былъ отвергнутъ на Бреславльскомъ конгрессѣ. Впрочемъ, это не помѣшало нѣкоторымъ соціалъ-демократическимъ депутатамъ изъ южныхъ государствъ, вопреки постановленіямъ конгрессовъ, вносить въ мѣстные ландтаги различныя предложенія, имѣющія цѣлью защиту мелкаго крестьянства. Противорѣчіе между

догмою и жизнью сказалось особенно рѣзко, когда были опубликованы результаты переписи 14 іюня 1895 г. Если, несмотря на искусственную поддержку, которою пользовалось крупное хозяйство въ видѣ хлѣбныхъ пошлинъ и покровительства винокуреннымъ и сахарнымъ заводамъ, оно уступаетъ мѣсто мелкому, то не приходится сравнивать „желѣзнодорожный поѣздъ крупнаго производства съ мелко-крестьянскою тачкою“.

Попытки Каутскаго спасти старую доктрину не привели къ сколько-нибудь благопріятнымъ результатамъ. Ученіе о концентраціи въ сферѣ сельскаго хозяйства подверглось основательной критикѣ въ цѣломъ рядѣ произведеній такъ называемыхъ ревизіонистовъ. Видное мѣсто среди послѣднихъ занимаетъ прежде всего Бернштейнъ. Онъ доказалъ, что во всей Западной Европѣ, даже въ Соединенныхъ Штатахъ мелкое и среднее производства растутъ, а крупное сокращается. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о Герцѣ, признающемъ, что мелкое хозяйство обладаетъ преимуществами предъ крупнымъ не только въ культурѣ овощей, но и въ культурѣ хлѣба и свекловицы, въ скотоводствѣ. Гораздо большее значеніе получили работы Давида, доказавшаго, что мелкому хозяйству доступны улучшенія, которыя считались прежде исключительною принадлежностью крупнаго; что если у крестьянъ еще преобладаетъ рутина, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ самомъ существѣ мелкаго хозяйства коренились такія особенности, которыя приводили бы обязательно къ его исчезновенію. Напротивъ, въ жизни крестьянства стало пробивать себѣ дорогу новое начало, заключающееся въ распространеніи товарищеской организаціи на самыя различныя отрасли хозяйства. Не производительныя товарищества, которыя усердно рекомендовались соціалъ-демократами, а кредитныя товарищества, союзы для продажи и покупки всякаго рода товаровъ, потребительныя товарищества и другіе виды коопераціи упрочили крестьянское хозяйство и придали ему новыя силы.

Я не буду останавливаться на детальномъ разборѣ тѣхъ аргументовъ, которые приводятся въ послѣднее время противъ Маркса. Приведу только выводы, къ которымъ пришелъ Давидъ въ своей книгѣ „Соціализмъ и

сельское хозяйство". Сельское хозяйство не подчиняется, по его мнѣнію, тѣмъ законамъ, которые установлены соціалистическими писателями для обрабатывающей промышленности. Простая кооперація въ крупныхъ размѣрахъ не можетъ дать крупному производству никакихъ особенныхъ преимуществъ въ сельскомъ хозяйствѣ; по сравненію съ мелкимъ хозяйствомъ того же типа мы не найдемъ въ крупномъ имѣніи ни одного болѣе дифференцированнаго инструмента; въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ одного изъ матеріальныхъ условій машиннаго производства, вслѣдствіе чего машина въ сельскомъ хозяйствѣ наталкивается на большія затрудненія. Вмѣсто устойчивой, автоматической системы машинъ на фабрикѣ въ земледѣліи имѣются передвигающіяся отдѣльныя машины съ срочною и ограниченною примѣнимостью, вслѣдствіе чего снабженное машинами хозяйство не обладаетъ такими преимуществами предъ хозяйствомъ, не располагающимъ машинами, какіе имѣетъ крупный промышленникъ предъ ремесленникомъ. Что же касается сельскаго рабочаго, то онъ никакъ не можетъ понять принципіальнаго положенія соціалистическаго ученія, что крупное производство технически превосходитъ мелкое, что крупный землевладѣлецъ можетъ производить лучше и дешевле, чѣмъ мелкій крестьянинъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ слабыя стороны крупнаго производства, чтобы повѣрить, что онъ не сумѣетъ на собственномъ участкѣ хозяйничать такъ, какъ хозяйничаетъ помѣщикъ.

Таковы выводы, къ которымъ пришелъ Давидъ послѣ внимательнаго изученія особенностей сельско-хозяйственнаго производства. Изъ этого вытекаетъ, что ученіе Маркса о концентраціи производства неприменимо къ сельскому хозяйству. Сколько бы послѣдователи Маркса ни убѣждали крестьянъ, что они должны сойти со сцены, жизнь все болѣе и болѣе доказывала, что измѣненія, послѣдовавшія въ сельскомъ хозяйствѣ, не ухудшили, а улучшили положеніе мелкихъ хозяевъ. Если кооперація, раздѣленіе труда, примѣненіе машинъ, главные факторы, опредѣляющіе большую производительность крупнаго хозяйства въ механическомъ производствѣ, не имѣютъ въ земледѣліи рѣшающаго значенія, то нельзя прово-

дить полной аналогіи между добывающею и обрабатывающею промышленностью. Между тѣмъ, по ученію правовѣрныхъ марксистовъ, поддерживать мелкое крестьянское хозяйство значитъ идти вмѣстѣ съ реакціонерами и спасать среднее сословіе, значитъ сохранить форму производства, связанную съ чрезмѣрною тратою общественной рабочей силы. Поэтому въ интересахъ прогресса слѣдуетъ стремиться къ гибели мелкаго хозяйства.

Вся эта аргументація совершенно должна была рухнуть, какъ только было доказано, что крестьянскому хозяйству доступны самыя раціональныя улучшенія. Безспорно, крестьянское хозяйство далеко еще не достигло цвѣтущаго состоянія, но достаточно, если доказано, что раціональное веденіе дѣла возможно и при мелкомъ хозяйствѣ. Разъ мелкіе хозяева, благодаря быстрому распространенію различнаго рода товариществъ, пріобрѣтаютъ всѣ преимущества, которыя прежде были доступны только крупнымъ хозяевамъ, имъ нетрудно избавиться отъ всякаго рода посредниковъ, скупщиковъ, ростовщиковъ, державшихъ крестьянъ въ тяжелой кабалѣ. Тогда нельзя болѣе говорить, что превращеніе крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ въ мелкія неминуемо связано съ регрессомъ.

Съ другой стороны, нельзя не признать, что Давидъ, совершенно правъ, когда выражаетъ сомнѣніе въ цѣлесообразности передачи земли сельско-хозяйственнымъ производительнымъ товариществамъ. Для успѣха такого рода организацій нужны совершенно исключительныя благопріятныя условія и наличность людей съ необыкновенными чертами характера; особенно трудно разсчитывать на успѣхъ товариществъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Если такія товарищества и удавались въ исключительныхъ случаяхъ, то это еще не говоритъ въ пользу ихъ жизнеспособности. Можетъ быть, наступитъ пора, когда такія товарищества будутъ распространяться, но для этого во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы крестьяне прошли чрезъ особую школу. Эта школа — товарищества производителей; они развиваютъ общественный духъ и создаютъ почву для веденія общаго дѣла.

Изъ этого Давидъ дѣлаетъ совершенно правильный

выводъ, что возникновеніе новыхъ мелкихъ хозяйствъ при наличности различныхъ учрежденій, созданныхъ на товарищескихъ началахъ, не должно идти въ разрѣзъ съ соціалистическими идеалами. Путь, лежащій чрезъ товарищества производителей, не обходъ, а практически единственно осуществимый и въ то же время кратчайшій (Давидъ, 548). Отсюда слѣдуетъ, что законодательство, охраняющее мелкое землевладѣніе, поощряющее товарищескія организаціи, поднимающее крестьянъ въ умственномъ отношеніи, облегчающее меліораціи, только облегчаетъ осуществленіе соціалистическаго идеала.

Нетрудно понять, почему соціалистическая доктрина имѣла до сихъ поръ такъ мало успѣха не только среди крестьянъ, но и среди сельскихъ рабочихъ. Какія перспективы, спрашиваетъ Давидъ, ставитъ теорія Маркса сельскому рабочему? Мѣсто помѣщика должно занять производительное товарищество сельскихъ рабочихъ; но такъ какъ производительныя товарищества въ сферѣ обрабатывающей промышленности терпѣли въ большинствѣ случаевъ неудачу, то въ сферѣ сельскаго хозяйства такая организація должна встрѣтить еще больше затрудненій. Батракъ съ крошечнымъ владѣніемъ видитъ теперь только одинъ путь къ соціальной эмансипаціи, это сдѣлаться самостоятельнымъ крестьяниномъ. Онъ хочетъ имѣть землю, необходимую для того, чтобы приложить свой трудъ, получить для своей семьи содержаніе и добиться полной свободы; но этотъ идеалъ не мирится съ доктриною, которая принципіально относится отрицательно къ мелкимъ хозяйствамъ. Ясно, что доктрина должна быть отвергнута, она не можетъ найти сочувствія въ деревнѣ.

Къ аналогичнымъ выводамъ пришелъ и Герцъ. Онъ останавливается на обычныхъ аргументахъ въ пользу концентраціи поземельной собственности и на основаніи статистическихъ данныхъ опровергаетъ тѣ идеи, на которыхъ строили свою схему соціалъ-демократы.

Концентрація поземельной стоимости производится въ формѣ ипотекъ. Какъ утверждаетъ Каутскій, ростъ ипотечныхъ долговъ свидѣтельствуетъ о томъ, что ученіе Маркса примѣняется не только къ капиталу, но и къ землѣ.

Герцъ самымъ категорическимъ образомъ оспариваетъ это утвержденіе. Во-первыхъ, крестьяне заключаютъ займы съ производительною цѣлью; они стремятся пріобрѣтать землю, но быстро погашаютъ свои долги. Поэтому именно для крестьянъ задолженность является средствомъ для того, чтобы превратить безземельнаго въ собственника, а не наоборотъ.

Во-вторыхъ, мелкая собственность гораздо меньше обременена долгами, чѣмъ крупная.

Въ-третьихъ, имѣется значительное число мелкихъ собственниковъ, совершенно свободныхъ отъ долговъ. Путь, по которому идутъ мелкіе собственники, это превращеніе безземельныхъ въ задолженныхъ собственниковъ, а затѣмъ превращеніе въ свободныхъ собственниковъ.

Въ-четвертыхъ, благодаря чрезмѣрной задолженности, падающей на крупное землевладѣніе, оно уступаетъ мѣсто мелкой; вмѣсто концентраціи замѣчается раздробленіе поземельной собственности.

Въ-пятыхъ, кредиторами мелкихъ собственниковъ являются преимущественно сберегательныя кассы, а не банки, т. е. не крупные капиталисты, а масса населенія. Къ тому же и въ земельныхъ банкахъ кредиторами являются далеко не всегда крупные капиталисты, потому что закладные листы размѣщаются среди различныхъ слоевъ населенія, не всегда принадлежащихъ къ капиталистамъ. Наконецъ, статистика показываетъ, что число собственниковъ увеличивается, а не уменьшается.

Герцъ оспариваетъ и другіе аргументы, приводимые въ пользу крупной собственности, особенно высокую урожайность. Крупныя хозяйства къ востоку отъ Эльбы приносятъ меньше, чѣмъ мелкія хозяйства на югѣ. Даже Саксонія, несмотря на капиталистическій характеръ хозяйства, уступаетъ Гессену, въ которомъ преобладаетъ мелкая, даже парцеллярная собственность.

Можно ли утверждать, что въ сельскомъ хозяйствѣ обнаруживается тенденція къ концентраціи? По мнѣнію Герца, статистика всѣхъ странъ показываетъ, что въ дѣйствительности скрещиваются самыя разнообразныя теченія, но въ общемъ среднее и мелкое хозяйства находятся въ лучшемъ положеніи и легче сохраняются, чѣмъ круп-

ное, и что за послѣднимъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать даже въ отдаленной степени тѣхъ преимуществъ, какія оно имѣетъ въ промышленности. На аграрные вопросы нельзя смотрѣть такъ, какъ на вопросы промышленности; они многообразнѣе и сложнѣе, историческія и національныя причины оказываютъ на нихъ болѣе сильное вліяніе. Наконецъ капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ не обладаетъ тѣми экономическими и психологическими преимуществами, какими онъ обладаетъ въ промышленности.

(*Friedrich Otto Hertz*, Die agrarischen Fragen in Verhältniss zum Socialismus. Wien, 1899).

На этой почвѣ стоитъ и Бернштейнъ. Что касается сельскаго хозяйства, говоритъ онъ въ „Проблемахъ соціализма“, то въ настоящее время, поскольку дѣло идетъ о размѣрахъ хозяйства, мы наталкиваемся всюду въ Европѣ и отчасти въ Америкѣ на движеніе, которое, повидимому, совершенно противорѣчитъ всему тому, что проповѣдовала до сихъ поръ соціалистическая теорія. Промышленность и торговля обнаруживали лишь нѣсколько болѣе медленное движеніе впередъ къ крупному производству, нежели какое принято было въ разсчетъ, между тѣмъ какъ сельское хозяйство свидѣтельствуетъ либо о застоѣ, либо о совершенномъ регрессѣ въ размѣрѣ хозяйствъ (стр. 125).

Какія же событія заставили измѣнить взгляды на относительное значеніе мелкихъ хозяйствъ? Во-первыхъ, техническія усовершенствованія, тѣ новыя улучшенія, которыя сдѣлались доступны самымъ небольшимъ хозяйствамъ и заключаются въ томъ, что они не связаны съ введеніемъ новыхъ культуръ, улучшенія, повышающія урожайность, не связанныя съ переходомъ къ огородной культурѣ. Во-вторыхъ, въ общественномъ строѣ сельскохозяйственнаго населенія произошли крупныя измѣненія въ смыслѣ объединенія отдѣльныхъ хозяевъ на почвѣ общихъ интересовъ: индивидуалистическое преслѣдованіе собственныхъ интересовъ смѣнилось общественною организаціею, кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ получила такое широкое распространеніе, о которомъ не могли прежде и мечтать. Правда, для проведенія техническихъ улучшеній (введеніе усовершенствованныхъ машинъ, улуч-

шенныхъ сѣмянъ, минеральнаго удобренія) и для распространенія товариществъ (кредитныя, сырьевыя, закупочныя, товарищества для продажи хлѣба, производительныя и т. д.) необходимы извѣстныя условія, необходимо содѣйствіе органовъ самоуправленія, мѣстной интеллигенціи, наличность извѣстныхъ средствъ, содѣйствіе органовъ государственной власти; но во многихъ странахъ эти условія уже имѣются, и измѣненіе техническихъ условій мелкаго хозяйства вышло уже изъ стадіи экспериментовъ. Мы видимъ уже примѣненіе улучшеній въ жизни и можемъ оцѣнить ихъ значеніе не съ точки зрѣнія опытовъ, а товарищества, объединяющія отдѣльныхъ хозяевъ, получаютъ въ нѣкоторыхъ странахъ такое широкое распространеніе, что дѣлаются принадлежностью чуть ли не каждой деревни. Все это измѣняетъ физіономію деревни, задерживаетъ тотъ процессъ дифференціаціи, который въ глазахъ соціалъ-демократовъ является неизбѣжною принадлежностью современнаго экономическаго строя, даетъ самому мелкому хозяину возможность устоять въ борьбѣ за свое существованіе, изгоняетъ деревенскаго ростовщика, удешевляетъ сбытъ, устраняетъ вредное посредничество и такимъ образомъ даетъ возможность удержаться тѣмъ самымъ элементамъ, которые въ смехѣ, построенной соціалъ-демократами, обречены были на исчезновеніе. Соціалъ-демократическій идеалъ обладаетъ, можетъ быть, огромными преимуществами предъ тѣми условіями существованія, которыя могутъ быть созданы на почвѣ частной собственности на землю и капиталъ, но предъ нами нѣтъ того желѣзнаго закона, той абсолютной необходимости, которая, независимо отъ нашихъ симпатій, приводитъ къ торжеству соціалистическаго строя. Между тѣмъ соціалистическое ученіе, какъ оно формулировано у Маркса, Родбертуса, Энгельса и у ихъ послѣдователей, было сильно именно тѣмъ, что сама жизнь неминуемо приводитъ къ соціальнымъ преобразованіямъ, при которыхъ частная собственность на землю и орудія производства должна уступить мѣсто государственной собственности.

Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ А. И. Чупровъ (*Мелкое земледѣліе и его основныя судьбы*. Спб. 1905), бы-

ло бы несправедливо приписывать это недостатку проницательности у такихъ высокихъ умовъ, какъ Марксъ; было бы обидно для памяти великаго покойника утверждать, что Герцъ или Давидъ обогнали его по силѣ логическаго анализа. Все дѣло здѣсь единственно въ томъ, что за четверть вѣка, протекшую послѣ смерти Маркса, произошли въ земледѣліи и земледѣльцахъ такія перемѣны, которыхъ никакъ не могъ предвидѣть даже геніальный авторъ „Капитала". Прежніе теоретики имѣли полное право отказывать мелкому земледѣльцу въ надеждѣ на болѣе свѣтлое будущее. Прежде раціональное земледѣліе основывалось, главнымъ образомъ, на дорого стоящихъ мелioраціяхъ, на широкомъ употребленіи машинъ и на обширномъ скотоводствѣ, которое одно давало способъ поднять плодородіе земли: и то, и другое, и третье были доступны преимущественно крупнымъ собственникамъ, которые имѣли необходимый для того капиталъ и, главное, обладали знаніями или могли располагать помощью образованнаго специалиста. Всѣ эти улучшенія требовали при томъ для своего полнаго дѣйствія болѣе или менѣе длиннаго срока, въ теченіе котораго приходилось довольствоваться однимъ ожиданіемъ будущаго прироста доходовъ. Эти разсчеты существенно измѣнились, когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходъ земледѣльца, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена. Минеральныя удобренія оказываютъ свое дѣйствіе и въ крупныхъ, и въ мелкихъ владѣніяхъ, и на тучныхъ, и на тощихъ земляхъ; на послѣднихъ еще нагляднѣе и поразительнѣе. Для поднятія урожаевъ при помощи новыхъ пріемовъ не нужно ни продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала. Даже скотоводство перестаетъ теперь быть обязательнымъ для земледѣльца: съ тѣхъ поръ, какъ навозное удобреніе начало съ успѣхомъ замѣняться минеральнымъ, количество содержимаго скота стало опредѣляться не потребностью въ поддержаніи плодородія почвы, какъ прежде, а исключительно степенью его доходности.

Такимъ образомъ, практика минеральныхъ удобреній, улучшенныхъ сѣмянъ и травопольнаго хозяйства окрылила дѣло земледѣльческаго прогресса среди мелкихъ хозяевъ. Крестьянину не хватаетъ того новаго, что внесла

наука въ современное хозяйство, вслѣдствіе чего онъ и остается безпомощнымъ предъ разнообразными бѣдствіями, которыя посылаетъ ему природа или рынокъ. Нужно познакомить его съ пріобрѣтеніями науки, что легче, нежели пріучить къ техникѣ. Сознаніе этой необходимости вызвало во всѣхъ странахъ, гдѣ удержалось крестьянство, особый видъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній при помощи странствующихъ агрономовъ. Въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, въ Скандинавскихъ государствахъ—вездѣ роль этихъ лицъ одна и та же: они отыскиваютъ земледѣльца на мѣстахъ и наиболѣе понятнымъ и удобнымъ способомъ знакомятъ его съ особенно важными для данной мѣстности практическими примѣненіями науки.

На ряду съ этимъ имѣется еще одинъ факторъ, оказавшій огромное вліяніе на мелкое хозяйство, это развитіе коопераціи, различныхъ видовъ товарищества. Упорный сельско-хозяйственный кризисъ, какъ правильно указываетъ Чупровъ, доказалъ мелкимъ землевладѣльцамъ безпомощность каждаго отдѣльно взятаго лица въ ассоціаціи. Единственнымъ способомъ удержаться въ это трудное время было преобразованіе системы хозяйства, которое настоятельно требовало прилива новыхъ знаній и капиталовъ. Ассоціація обѣщала доставить то и другое, и потому немудрено, что послѣ первыхъ же удачныхъ опытовъ къ ней устремились помыслы земледѣльцевъ во всѣхъ странахъ.

Оба эти фактора, вмѣстѣ взятые, оказали такое сильное вліяніе, что мелкое хозяйство пріобрѣло новыя силы, окрѣпло и обнаружило такую живучесть, что о скоромъ исчезновеніи его болѣе не можетъ быть рѣчи. Въ результатѣ получилось то, что мелкое крестьянство, по крайней мѣрѣ, въ странахъ, гдѣ общественныя и политическія условія содѣйствовали развитію самодѣятельности, гдѣ населеніе обладаетъ достаточнымъ развитіемъ для того, чтобъ пользоваться тѣмъ, что даетъ наука, не уступаетъ крупному.

Что нѣмецкій крестьянинъ не отстаетъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ примѣненіи минеральныхъ туковъ, это между прочимъ подтверждаетъ цитируемый нами авторъ

личными наблюденіями и разспросами въ разныхъ частяхъ Германіи. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи, на берегахъ, Эльбы не только зажиточные крестьяне, но даже владѣльцы и съемщики мелкихъ парцеллъ систематически каждый годъ сдабриваютъ свою землю разными искусственными туками. Крестьяне вполнѣ освоились съ качествами и способами употребленія туковъ и разсуждаютъ о сравнительныхъ достоинствахъ суперфосфата и Томасова шлака, селитры и сѣрно-кислаго амміака не хуже иныхъ агрономовъ. Еще убѣдительнѣе это подтверждается прямыми свидѣтельствами опытныхъ и контрольныхъ станцій, а особенно отчетами сельско-хозяйственныхъ ассоціацій, дѣйствующихъ, главнымъ образомъ, въ средѣ мелкихъ земледѣльцевъ.

Большой ударъ господствовавшимъ воззрѣніямъ на роль мелкаго хозяйства нанесло опубликованіе результатовъ германской переписи 1895 г.. Она обнаружила приростъ числа парцеллярныхъ хозяйствъ, площадью менѣе 2 гектаровъ, на 5,7% и мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ отъ 5 до 20 гект. на 8%. Напротивъ, крупныя крестьянскія хозяйства отъ 20 до 100 гект. остались безъ измѣненія. Владѣнія отъ 2 до 20 гект. увеличились на 659,259 гект. Что же касается увеличенія площади имѣній свыше 1000 гектаровъ на 94,014 гект., то это объясняется отчасти образованіемъ фидеокомиссовъ. Было бы крайне ошибочно думать, что это увеличеніе связано съ большею интенсивностью сельскаго хозяйства и свидѣтельствуетъ о преимуществахъ крупнаго производства предъ мелкимъ. Напротивъ, при переходѣ крестьянскихъ владѣній въ руки крупныхъ помѣщиковъ нерѣдко начинается упадокъ хозяйства, пашня и луга превращаются въ парки и запускаются для охоты. Разбогатѣвшіе фабриканты и биржевики скупаютъ крупныя имѣнія не для веденія хозяйства, не для полученія дохода, а для полученія тѣхъ политическихъ и соціальныхъ привилегій, съ которыми въ Пруссіи связано крупное землевладѣніе.

До нѣкоторой степени это можетъ быть отнесено и къ Франціи. Сельско-хозяйственныя анкеты 1882 и 1892 г., говоритъ Шарль Жидъ, показываютъ, что число хозяйствъ во Франціи осталось почти безъ измѣненія, но если тщательно искать какихъ-нибудь измѣненій, то слѣдуетъ

придти къ заключенію, что выигрышъ, хотя и небольшой, на сторонѣ мелкой собственности, а крупная собственность нѣсколько потеряла.

Еще нагляднѣе этотъ процессъ обнаруживается на Соединенныхъ Штатахъ. Средній размѣръ фермы уменьшился съ 1850 до 1900 года отъ 203 акровъ до 146, а число служащихъ и рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ составлявшее въ 1872 г. 52% всего населенія, занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ, уменьшилось до 43.3% въ 1880 г., до 41,4% въ 1890 г. и до 34,6% въ 1900 г. Такимъ образомъ, въ сельскомъ хозяйствѣ наблюдается совершенно обратный процессъ, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности: число наемныхъ рабочихъ убываетъ, а число самостоятельныхъ хозяевъ увеличивается. Въ восточныхъ штатахъ большія хозяйства распадаются, въ центральныхъ преобладаютъ среднія имѣнія почти безъ наемнаго труда. Только въ обширныхъ пшеничныхъ областяхъ въ Дакотѣ и долинахъ Калифорніи, гдѣ сухой климатъ допускаетъ примѣненіе разсчитанныхъ на самую экстенсивную культуру гигантскихъ плуговъ, а также сложныхъ жатвенныхъ машинъ и молотилокъ, крупное хозяйство все еще имѣетъ преимущество. Но гдѣ начинаетъ замѣчаться истощеніе почвы, гдѣ приходится переходить къ болѣе интенсивной культурѣ, тамъ мелкія фермы получаютъ перевѣсъ. О поглощеніи мелкихъ фермъ не приходится слышать. Напротивъ, въ восточныхъ штатахъ число ихъ увеличивается; то же наблюдается и въ садовыхъ округахъ Калифорніи, гдѣ культура апельсиновъ, лимоновъ и т. п. требуетъ большой тщательности и потому при дороговизнѣ рукъ особенно пригодна для мелкаго хозяйства (G. Fischer, Die sociale Bedeutung der Maschinen in der Landwirthschaft. Цитировано у Чупрова).

Въ высшей степени важно и то, что въ классической странѣ крупнаго хозяйства, въ Англіи, новѣйшій изслѣдователь Леви констатируетъ аналогичныя измѣненія. Послѣ столѣтняго преобладанія зернового хозяйства и крупной культуры снова выдвигается на первый планъ мелкая культура. Крупное хозяйство уступаетъ мѣсто мелкому, Англія возвращается къ эпохѣ до 1770 г., когда еще процвѣтало мелкое хозяйство. При высокихъ цѣнахъ

на хлѣбъ могло упрочиться убѣжденіе, что поддержаніе построекъ въ мелкомъ хозяйствѣ обходится дороже, чѣмъ въ крупномъ, что машины доступны только крупному хозяйству, что мелкое хозяйство такъ же устарѣло, какъ ручное ткачество. Съ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ взгляды эти измѣнились, многіе землевладѣльцы охотно раздробляютъ свои имѣнія, и приходится отказаться отъ мысли, что сельское хозяйство подчиняется тѣмъ же законамъ, какимъ подчиняется промышленность. Аренда крупныхъ имѣній сдѣлалась менѣе выгодною, имѣнія въ 500—1000 акровъ перестали находить арендаторовъ; чѣмъ меньше площадь, тѣмъ легче найти съемщика.

(Hermann Lewy. Entsuchung und Rückgang des landw. Grossbetriebes in England. Berlin, 1904).

Что кооперація пустила глубокіе корни и получила огромное значеніе для крестьянства, это прекрасно доказываетъ примѣръ цѣлаго ряда странъ. Особенный интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи Германія и Данія. Въ виду этого я приведу нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ странахъ. Общее число кооперативныхъ учрежденій къ 31 марта 1905 г. достигаетъ въ Германіи 23,813 съ $3^1/_2$ милл. членовъ. Изъ этого числа на Пруссію падаетъ 12,983 товарищества съ 1.840,725 чл., на Баварію—3,915 тов. съ 408,657 членами, на Баденъ 887 товариществъ съ 184,247 членами, на Гессенъ 853 товарищества съ 108,966 членами. Первое мѣсто по числу, по значенію, по суммѣ капиталовъ и оборотовъ занимаютъ учрежденія для мелкаго кредита, преимущественно сельско-хозяйственнаго; число ихъ достигаетъ 14,272, а число участниковъ равно 1.901,122. Видное мѣсто занимаютъ товарищества для переработки и сбыта молочныхъ продуктовъ въ числѣ 2,661 съ 199,287 членами; далѣе идутъ сырьевыя сельско-хозяйственныя товарищества въ числѣ 1,595 съ 131,955 членами, потребительные союзы въ числѣ 1,833 съ 897,072 членами. Имѣется также значительное число товариществъ для покупки машинъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ для сельскаго хозяйства, товариществъ для устройства винокуренныхъ заводовъ, разведенія и продажи садовыхъ и полевыхъ продуктовъ, для сбыта хлѣба, для улучшенія породы скота,

союзовъ виноделовъ, для постройки жилищъ и т. д. Все это преимущественно небольшія товарищества, въ которыхъ могутъ принимать участіе самые незажиточные слои сельскаго населенія. Наглядное доказательство представляетъ величина паевого капитала. Такъ, въ 523 товариществахъ паи опредѣлены ниже одной марки, въ 384 отъ 1 до 2 м., въ 3,628 отъ 2 до 5 м., въ 5,132 отъ 5 до 10 м., въ 1,209 отъ 10 до 20 м., въ 2,445 отъ 20 до 50 м., въ 3,232 отъ 50 до 100 м.

Въ книгѣ „Мелкій кредитъ въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“ (Москва, 1904) я привелъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи мелкаго кредита въ Германіи. Дополню ихъ новѣйшими статистическими данными о главнѣйшихъ центральныхъ союзахъ. Въ Всеобщемъ союзѣ основанныхъ на самопомощи промышленныхъ и экономическихъ товариществахъ, объединяющемъ 1400 товариществъ, важное мѣсто занимаютъ кредитныя товарищества. Въ 900 кредитныхъ товариществахъ насчитывается 542,108 членовъ; оборотный капиталъ ихъ составляетъ 950 милл., паевой—150 милл., запасный—57 милл.; всего собственные капиталы равны 207 милл., чужіе капиталы 743 милл., а сумма открытыхъ въ теченіе года кредитовъ достигаетъ $2^1/_2$ милліардовъ марокъ. Въ другомъ центральномъ союзѣ, Генеральномъ союзѣ сельскихъ товариществъ въ Нейвидѣ, въ 1904 г. принимало участіе 4,243 товарищества, а сумма выданныхъ въ 3,375 тов. ссудъ равна была 167 милл. Ссуды выданы на слѣдующія нужды: на меліораціи 7,487 ссудъ, на покупку скота 26,641 ссуда, на возведеніе построекъ 32,410 ссудъ, на покупку земли 71,137 ссудъ, на другія аналогичныя нужды 95,768 ссудъ.

Приведу еще нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ крупномъ союзѣ, объ Имперскомъ союзѣ сельско-хоз. товариществъ въ Дармштадтѣ. Онъ объединяетъ 11,546 товариществъ, 28 провинціальныхъ и окружныхъ союзовъ и 56 центральныхъ товариществъ. Всѣ эти товарищества удовлетворяютъ потребности въ кредитѣ и являются посредниками при покупкѣ и продажѣ товаровъ. Центральныя товарищества, входящія въ Имперскій союзъ, пріобрѣли товаровъ для отдѣльныхъ товариществъ на 57,1 милл., Нейвидская касса на 50 милл.

Что касается роста сельско-хозяйственныхъ товариществъ, то въ 1890 г. въ Германіи ихъ было только 3,006, а въ 1904 г. число ихъ достигло уже 18,306, т. е. ушестерилось за 15 лѣтъ.

Еще больше интереса представляетъ Данія. Это—страна крестьянскаго землевладѣнія; только четвертая часть площади земли принадлежитъ крупному землевладѣнію. Поэтому на этой странѣ прекрасно можно видѣть, какое хозяйство обладаетъ преимуществами, крупное или мелкое. Крестьяне являются по общепринятому представленію наиболѣе консервативнымъ классомъ населенія, а между тѣмъ именно крестьяне на нашихъ глазахъ измѣнили систему хозяйства, согласно требованіямъ сельско-хозяйственной науки и требованіямъ рынка. Процессъ этотъ совершился не самъ собою; для этого потребовалось активное содѣйствіе интеллигентныхъ силъ общества. Результаты, достигнутые въ Даніи крестьянскимъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе поразительны, что по климату и качеству почвы она уступаетъ многимъ другимъ странамъ. Безъ коопераціи въ сферѣ производства, переработки и сбыта крестьянское хозяйство не могло бы пережить кризиса, вызваннаго ввозомъ дешеваго хлѣба. Переходъ къ скотоводству и молочному хозяйству продиктованъ былъ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ Германіи землевладѣльцы боролись съ иностраннымъ хлѣбомъ пошлинами, Данія обошлась безъ введенія пошлинъ.

Я далекъ отъ мысли распространить на другія страны то, что совершилось въ Даніи, но въ исторіи датскаго хозяйства имѣются такія стороны, которыя имѣютъ значеніе и для насъ. То, что могла совершить Данія, т. е. измѣнить систему хозяйства въ смыслѣ перехода къ скотоводству и молочному хозяйству, того не можемъ совершить мы; мы не стали бы также рекомендовать нашему крестьянину перехода къ садовой культурѣ; но цѣлый рядъ техническихъ улучшеній и организація покупки и продажи и переработки продуктовъ, организація различныхъ видовъ кредита, — все это доступно нашему крестьянину, какъ доступно западно-европейскимъ крестьянамъ.

Основа всего экономическаго строя Даніи—это демократическое распредѣленіе поземельной собственности.

Крупное хозяйство падаетъ, площадь принадлежащей крупнымъ собственникамъ земли уменьшается; крестьянское землевладѣніе, напротивъ, увеличивается, землю покупаютъ не только крестьяне, но и рабочіе. Носителями хозяйственнаго прогресса является въ Даніи не крупный землевладѣлецъ, а крестьянинъ; онъ принимаетъ участіе во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, онъ стоитъ на высокомъ уровнѣ не только сельскохозяйственной, но и общей культуры. Въ то же время крестьянинъ самъ умѣетъ вести свои торговыя дѣла и не находится въ зависимости отъ посредниковъ. Этому способствовали народные университеты и кооперація. Въ 1903 г въ Даніи было 98 народныхъ университетовъ; ихъ посѣщаютъ дѣти крестьянъ, сельскихъ рабочихъ и мелкихъ собственниковъ, преимущественно населеніе деревни; контингентъ горожанъ весьма незначителенъ. Школа въ Даніи посѣщается дѣтьми помѣщиковъ на-ряду съ дѣтьми прислуги и крестьянъ; безъ хорошей школы не было бы и коопераціи. Число крестьянскихъ дворовъ увеличивается, увеличивается и владѣніе сельскихъ рабочихъ. Въ 1805 г. было 54.733 крестьянскихъ двора, въ 1895 г. 71.858; сельскихъ рабочихъ, владѣвшихъ землею, въ 1805 г. было 56.957, въ 1895 г. 159.147. Этотъ приростъ падаетъ преимущественно на послѣднія 25—30 лѣтъ. Кооперація охватила все хозяйство: молоко поставляется въ товарищескія молочныя, свиньи въ товарищескія свинебойни, яйца продаются за границу при посредствѣ товариществъ, птица, продукты огородничества и плодоводства сбываются такимъ же путемъ. Крупное хозяйство находится въ положеніи застоя, мелкое прогрессируетъ. Сельскіе рабочіе не стоятъ въ сторонѣ отъ кооперативнаго движенія; они стремятся сдѣлаться собственниками. Этому содѣйствуетъ правительство, создавъ институтъ рабочаго рентнаго имѣнія. Для сельскаго рабочаго открывается возможность пробить себѣ дорогу къ крестьянству.

Безъ кооперативныхъ учрежденій крестьяне не могли развить молочнаго хозяйства; теперь они получаютъ за масло такія же цѣны, какія получаютъ крупные хозяева, тогда какъ до образованія товариществъ они сбывали его за

безцѣнокъ. Вывозъ свинины возросъ отъ 1879—82 г. отъ $2,_6$ милл. кронъ до 70 милл. въ 1902 г., масла отъ $19,_1$ милл., до $123,_8$ милл., яицъ отъ $1,_6$ до $21,_8$ м.

Кооперація направлена главнымъ образомъ на устройство молочныхъ и боенъ, для облегченія вывоза масла и свинины. Въ 1882 г. устроена первая товарищеская молочная, въ 1904 г. ихъ было уже 1.057 съ 149.900 участниками.

Для устройства молочной дѣлается заемъ въ сберегательной кассѣ за солидарною отвѣтственностью участниковъ. Погашеніе разсчитано на 10 лѣтъ, такъ что большая часть долговъ уже погашена. Для вывоза масла организованы союзы, объединяющіе молочныя; въ одномъ изъ нихъ, Экспортномъ союзѣ датскихъ сельскихъ хозяевъ, объединено 120 молочныхъ. Экспортъ яицъ получилъ развитіе тогда, когда былъ организованъ контроль за качествомъ яицъ, породою куръ, ихъ кормомъ, содержаніемъ и пр., когда въ этомъ дѣлѣ начали принимать участіе народные учителя. Въ 1904 г. было 701 товарищество для экспорта яицъ, вывезено 477.200,000 штукъ. Точно также экспортъ свинины получилъ развитіе, когда были организованы товарищескія свинебойни; благодаря товариществамъ была улучшена порода свиней, на рынки началъ доставляться однородный товаръ. Въ 30 товарищескихъ бойняхъ было 66,574 участниковъ; они объединены въ центральный союзъ, имѣютъ свою центральную контору въ Копенгагенѣ. Общее число товариществъ достигало въ 1904 г. 1788 съ 272.506 участниками. Особенное мѣсто занимаютъ свинебойни; въ 1903 г. было убито 928.850 свиней на 56 милл. м. Основной капиталъ товарищескихъ боенъ равенъ 7 милл., товарищескихъ молочныхъ 25 милл. Въ молочныхъ перерабатывается молоко отъ 842.000 коровъ. Изъ центральныхъ союзовъ особенное значеніе имѣетъ Ютландскій союзъ, объединяющій 500 тов., имѣющій оборотъ въ 10 милл. кронъ, собственные склады и магазины и т. д.

И все это при населеніи въ 2.400.000 жит., изъ которыхъ на городское падаетъ 868.500, сельское 1.531,500 жит. Скотоводство процвѣтаетъ именно въ мелкихъ хозяйствахъ. Изъ 1.743.440 штукъ рогатаго скота, которымъ располагала Данія въ 1898 г. и который принадлежалъ 180.000 хозяйствамъ, въ 70.218 хозяйствахъ было отъ 1 до 3

коровъ, въ 52.371 отъ 4 до 9, въ 49.667 хозяйствахъ отъ 10 до 29 и только въ 7544 свыше 30 коровъ на хозяйство.

Такое мощное развитіе кооперативныхъ учрежденій, требующихъ большихъ затратъ (на устройство и обзаведеніе 1013 молочныхъ потребовалось 32 милл.), возможно было, только благодаря льготному кредиту изъ сберегательныхъ кассъ. Демократическій характеръ всѣхъ учрежденій даетъ возможность рабочимъ и прислугѣ, организованнымъ въ союзы, пробиваться въ крестьянство путемъ пріобрѣтенія участка земли и постройки дома. Въ крестьянскихъ ссудныхъ кассахъ, пользующихся государственнымъ кредитомъ, крестьяне могутъ пользоваться дешевымъ кредитомъ (изъ 3%) на покупку коровъ *).

Всѣ вышеприведенныя данныя о положеніи крестьянскаго хозяйства въ различныхъ странахъ въ связи съ ростомъ сельскохозяйственной коопераціи показываютъ, что для сельскаго хозяйства не могутъ быть примѣнены тѣ законы, которые примѣнялись къ другимъ сферамъ приложенія труда; что концентрація производства принимаетъ здѣсь такія формы, которыя мирятся съ мелкою собственностью и мелкимъ хозяйствомъ. Казалось бы, что все это должно было отразиться на аграрной программѣ соціалъ-демократической партіи, но въ дѣйствительности партія по прежнему вѣритъ въ близкое исчезновеніе мелкаго крестьянства.

---

*) *Hollmann.* Die Entwickelung der dänischen Landwirtschaft. Berlin 1904; *Heinrich Pudor.* Das landw. Genossenschaftswesen in Auslande. I Band. Das landw. Gen. in den skandinawischen Ländern Leipzig, 1904.

Какія же задачи ставитъ себѣ соціалъ-демократія у насъ? Это въ высшей степени важно выяснить, такъ какъ отъ этого зависитъ оцѣнка ея программы. Если на первый планъ ставится усиленіе классовой борьбы, то ни о какихъ реформахъ, направленныхъ къ улучшенію положенія крестьянъ, не можетъ быть рѣчи; это противорѣчило бы конечной цѣли, которую ставитъ себѣ партія. Если же, не оставляя конечной цѣли, партія, тѣмъ не менѣе, выдвигаетъ мѣропріятія, которыя должны служить на пользу крестьянскому населенію, то очень скоро должно обнаружиться противорѣчіе между программою и дѣятельностью партіи. Въ Германіи правовѣрный марксизмъ остался на бумагѣ; въ дѣйствительности же, какъ мы показали, проводятся мѣры, которыя могли бы войти, частью входятъ въ программы партій, не раздѣляющихъ соціалистическихъ идеаловъ. Въ результатѣ получается совмѣщеніе требованій, противорѣчащихъ другъ другу, построенныхъ на различныхъ міросозерцаніяхъ.

Основною цѣлью наша соціалъ-демократія признаетъ не улучшеніе благосостоянія крестьянъ, а *свободное развитіе классовой борьбы*. Поэтому на-ряду съ „устраненіемъ остатковъ крѣпостного порядка, которые тяжелымъ гнетомъ лежали непосредственно на крестьянахъ", программа ставитъ классовую борьбу. Этому долженъ содѣйствовать цѣлый рядъ мѣропріятій, на которыхъ мы и остановимся. Не могу съ самаго же начала не обратить вниманія на то, что если рѣчь идетъ объ устраненіи лежащаго на крестьянахъ гнета, то этому нисколько не можетъ содѣйствовать свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ. Напротивъ, чѣмъ больше будетъ развиваться борьба, тѣмъ гнетъ будетъ тяжелѣе. Не могу понять, какъ можно принимать мѣры, которыя должны улучшить положеніе крестьянъ, и одновременно съ этимъ содѣйствовать усиленію классовой борьбы, когда классовая борьба имѣетъ своимъ послѣдствіемъ діаметрально противоположные результаты. Для усиленія клас-

совой борьбы слѣдуетъ принимать совершенно другія мѣры, чѣмъ тѣ, которыя ведутъ къ улучшенію благосостоянія крестьянъ. Эта двойственность проходитъ чрезъ всю программу и лишаетъ ее цѣльности и стройности.

Первый пунктъ касается отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей и всякихъ повинностей, падающихъ на крестьянство, какъ на податное сословіе.

Такъ какъ выкупные платежи въ настоящее время отмѣнены, то на этомъ пунктѣ останавливаться не приходится. Гораздо болѣе важное значеніе въ смыслѣ характеристики общихъ воззрѣній, на которыхъ построена программа, имѣетъ требованіе *отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землею.*

Такое требованіе прямо вытекаетъ изъ желанія усилить классовую борьбу въ деревнѣ. Слѣдуетъ измѣнить ограничительные законы не потому, что они мѣшаютъ крестьянамъ сохранить за собою земли, а потому, что желательно облегчить возникновеніе сельскаго пролетаріата. Мелкій собственникъ цѣпко держится за свою землю и не обнаруживаетъ никакого желанія прислушиваться къ соціалъ-демократической пропагандѣ; вмѣсто отдаленныхъ идеаловъ, которые ему мало понятны, онъ предполагаетъ укрѣпить за собою и прочно владѣть своимъ клочкомъ земли. Чѣмъ больше крестьяне стѣснены въ распоряженіи землею, тѣмъ труднѣе можетъ происходить концентрація земли съ одной стороны и обезземеленіе съ другой. Въ виду этого необходимо облегчить продажу, чтобы крестьяне скорѣе могли превратиться въ пролетаріевъ. Въ деревнѣ будетъ нарождаться классъ, не заинтересованный въ сохраненіи существующаго строя; ему будетъ противопоставлена сравнительно незначительная группа зажиточнаго крестьянства, размѣръ владѣнія котораго постоянно будетъ увеличиваться. Тогда въ деревнѣ воцарится то, что мы наблюдаемъ въ городахъ, классовая борьба будетъ увеличиваться, а это будетъ подготовлять почву для развитія соціализма.

Такая перспектива представляется, конечно, мало привлекательною для тѣхъ, которые обречены на исчезновеніе. Партіи нельзя, однако, отказать въ послѣдовательности, если она выставляетъ такое требованіе.

Едва ли можно указать на какой-нибудь пунктъ програм-мы, который встрѣчалъ бы столько возраженій, какъ свобода въ распоряженіи землею. Если свобода въ сферѣ обращенія земельной собственности встрѣчаетъ совершенно основательныя, на мой взглядъ, принципіальныя возраженія въ западно-европейскихъ странахъ, то еще больше возраженій она должна встрѣтить у насъ; для нашей деревни она была бы еще болѣе опасна, чѣмъ на Западѣ.

Чѣмъ раньше крестьяне разорятся и превратятся въ безземельныхъ батраковъ, тѣмъ легче будетъ связать ихъ съ городскимъ пролетаріатомъ и слить ихъ интересы. Тогда соціальный переворотъ не будетъ встрѣчать противодѣйствія со стороны сельскаго населенія. Поэтому весьма понятно, что правовѣрные сторонники соціалъ-демократической программы стоятъ за отмѣну всякихъ ограниченій въ правѣ распоряженія землей, за свободу залога надѣльныхъ земель и свободный переходъ изъ рукъ въ руки. Въ этомъ случаѣ требованія совпадаютъ съ требованіями крайнихъ правыхъ партій. Все, что имѣетъ своимъ послѣдствіемъ концентрацію землевладѣнія съ одной стороны и появленія въ деревнѣ массы батраковъ съ другой стороны, заслуживаетъ съ этой точки зрѣнія поддержки.

Казалось бы, вся исторія крестьянства за послѣднее время въ самыхъ различныхъ западно-европейскихъ странахъ наглядно доказала, что въ сферѣ землевладѣнія не наблюдается процесса концентраціи; что жизнь выдвинула много средствъ, противодѣйствующихъ концентраціи; что кооперація, мелкій кредитъ и различныя мѣропріятія соціально-политическаго характера противодѣйствуютъ поглощенію мелкой земельной собственности крупною; что мелкая собственность сумѣла приспособиться къ условіямъ рынка и борется за свое существованіе; что ни въ Германіи, ни во Франціи, а тѣмъ менѣе въ Даніи не замѣчается регресса крестьянскаго землевладѣнія,—а между тѣмъ старая доктрина продолжаетъ владѣть умами. Прошли десятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ крестьянство было обречено на исчезновеніе, а оно не исчезаетъ. Мало того, оно обнаруживаетъ полную живучесть, приспособляется и борется за свое существованіе

гораздо лучше и успѣшнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ крупное землевладѣніе.

Имѣются ли въ настоящее время данныя, которыя дали бы право утверждать, что въ сельскомъ хозяйствѣ неизбѣженъ тотъ процессъ концентраціи, который имѣетъ мѣсто въ обрабатывающей промышленности; подчиняется ли оно тѣмъ же законамъ, какіе признаются для промышленности? Такихъ данныхъ не имѣется. Напротивъ, имѣется полное основаніе дать на эти вопросы отрицательный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что и въ сферѣ обрабатывающей промышленности процессъ этотъ не совершается съ такою бы стротою, какъ это прежде утверждали; что онъ переплетается съ другими явленіями, дѣйствующими въ другомъ направленіи. Со времени опубликованія коммунистическаго манифеста прошло почти 60 лѣтъ, а событія, послѣдовавшія за этотъ періодъ, не даютъ никакого права утверждать, чтобы предсказанія манифеста оправдались. Все современное экономическое законодательство западно европейскихъ странъ проникнуто преобладаніемъ общественныхъ элементовъ надъ индивидуалистическими; идеи общественно-принудительнаго характера получаютъ все большее и большее распространеніе, правительственное вмѣшательство проникаетъ въ самыя разнообразныя сферы экономической жизни; но такая политика не расшатываетъ, а укрѣпляетъ современную организацію народнаго хозяйства и вовсе не ведетъ къ отмѣнѣ частной собственности на землю и капиталъ. Всѣ распространяющіяся въ послѣднее время формы кооперации, оказывающія такое благопріятное вліяніе на крестьянское хозяйство, проникнуты общественнымъ духомъ, индивидуалистическій элементъ уступаетъ мѣсто общественному; но не подлежитъ въ то же время ни малѣйшему сомнѣнію, что кооперація не расшатываетъ, а укрѣпляетъ современный строй деревни, поддерживаетъ тѣ элементы крестьянства, которые безъ этого рисковали бы погибнуть, т. е. препятствуетъ объединенію интересовъ деревни съ интересами городского пролетаріата и тѣмъ задерживаетъ распространеніе программъ соціалистическихъ партій.

Организація сбыта на кооперативныхъ началахъ, по-

пытки организаціи общаго производства въ видѣ общественныхъ свинобоенъ, молочныхъ, сыроваренъ сохраняютъ тѣ слои населенія, которые по нарисованной соціалъ-демократами схемѣ должны были давно уже исчезнуть. Въ народныхъ банкахъ и другихъ кооперативныхъ учрежденіяхъ,—а ихъ въ Германіи насчитывается теперь до 24.000—крестьяне находятъ большую поддержку и во многихъ случаяхъ получаютъ возможность упрочивать такимъ путемъ свое благосостояніе. Развѣ это идетъ не въ разрѣзъ съ ученіемъ о неминуемой гибели мелкаго производства?

Какъ это ни странно, но въ этомъ именно пунктѣ соціалъ-демократы сходятся съ крайними правыми партіями: тѣ также высказываются въ пользу отмѣны всякихъ ограниченій въ распоряженіи крестьянскими землями. Съ точки зрѣнія землевладѣльцевъ или капиталистовъ, стоящихъ на почвѣ невмѣшательства государства въ сферу экономическихъ отношеній, это вполнѣ понятно, потому что раскрѣпощеніе деревни представляетъ для нихъ большія выгоды. Тѣ, которымъ нужны дешевыя рабочія руки, не могутъ иначе, какъ отрицательно, относиться къ мѣрамъ, которыя даютъ крестьянамъ возможность сохранить свою самостоятельность. Между тѣмъ оказывается, что типичный аграрій или капиталистъ въ этомъ случаѣ сходятся съ правовѣрными соціалъ-демократами. Исходя отъ идеи народнаго блага, отъ интересовъ трудящагося населенія, они, тѣмъ не менѣе, находятъ необходимымъ прежде разорить крестьянъ, чтобы потомъ на этой почвѣ создать общее благосостояніе. Это увлеченіе доктриной,—наслѣдіе эпохи, когда крестьянство могло еще представляться вымирающимъ классомъ. Нельзя, конечно, оспаривать, что въ исторіи крестьянскаго землевладѣнія было не мало данныхъ въ пользу ученія о неизбѣжномъ его исчезновеніи; но то, что было вѣрно прежде, когда въ сферѣ экономическихъ отношеній царилъ принципъ laissez faire, перестало быть вѣрнымъ теперь, при такомъ развитіи соціальной политики.

Третій пунктъ программы нашей соціалъ-демократіи гласитъ слѣдующее: „*Возвращеніе крестьянамъ денежныхъ суммъ, взятыхъ съ нихъ въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей; конфискація съ этою цѣлью монастырскихъ и*

церковныхъ имуществъ, а также имѣній удѣльныхъ, кабинетскихъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи; а равно обложеніе особымъ налогомъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупною ссудой; обращеніе суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ".

Трудно понять, какъ партія могла выступить съ такими требованіями. Можетъ быть, они складывались постепенно, но въ томъ видѣ, какъ они формулированы, они не могутъ не вызывать возраженій даже съ точки зрѣнія соціалъ-демократической доктрины. Крестьянамъ должны быть возвращены выкупные платежи, — такое требованіе понятно, когда его предъявляютъ сторонники перехода всѣхъ земель въ руки государства. Разъ земли, принадлежащія крестьянамъ, переходятъ къ государству и объявляются государственнымъ земельнымъ фондомъ, крестьянамъ, вносившимъ въ теченіе десятковъ лѣтъ выкупные платежи, должны быть возвращены суммы, которыя они вносили для погашенія выкупнаго долга, но какъ могутъ мотивировать это требованіе тѣ, которые оставляютъ землю въ собственности крестьянъ? Далѣе, выкупные платежи вносили не только помѣщичьи, но и государственные крестьяне, а между тѣмъ вся конструкція программы предполагаетъ, что рѣчь идетъ только о помѣщичьихъ крестьянахъ. Выкупные платежи для государственныхъ крестьянъ замѣнили оброкъ; послѣдній былъ возвышенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ характеръ налога, превратившись изъ безсрочнаго платежа въ срочный. Если теперь рѣчь идетъ о возвратѣ выкупныхъ платежей, то слѣдуетъ въ точности обозначить, что именно имѣется въ виду возвратить: погашенную часть переведеннаго на надѣльную землю долга или же вообще всю сумму полученнаго со времени освобожденія крестьянъ сбора. Не оспариваемъ, что выкупные платежи были очень тягостны, но это во-первыхъ, относится преимущественно къ помѣщичьимъ крестьянамъ; во-вторыхъ, если говорить объ обременительности платежей, то, кромѣ выкупныхъ платежей, имѣется много другихъ не менѣе обременительныхъ налоговъ.

Можетъ быть, 45 лѣтъ тому назадъ была совершена

великая историческая несправедливость или ошибка; но какъ ее исправить? Неужели же путемъ возврата налоговъ и сборовъ, взятыхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ? Но тогда пришлось бы возвратить десятки милліардовъ. И кто же возвратилъ бы крестьянамъ эти суммы; изъ какого источника онѣ могли бы быть покрыты? Или же съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи плата за землю вообще недопустима? Но тогда слѣдовало бы прямо заявить въ программѣ, что на землю не должны падать никакіе налоги и сборы, что земля должна предоставляться въ безвозмездное пользованіе. Между тѣмъ программа нигдѣ не ставитъ такого тезиса; напротивъ, она безусловно признаетъ частную собственность. Если бы на этотъ счетъ могли возникнуть какія-нибудь сомнѣнія, то достаточно указать на п. 5 программы, который гласитъ слѣдующее: „предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющіяся кабальный характеръ". Изъ этого ясно, что разъ рѣчь идетъ о пониженіи арендной платы, то самая плата признается закономѣрною. Такимъ образомъ, если предъявляется требованіе о возвратѣ выкупныхъ платежей, то при принципіальномъ признаніи платы за землю рѣчь можетъ быть о возвратѣ погашенной части выкупного долга, но и это можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда земля будетъ признана государственною. Чтобы яснѣе представить себѣ положеніе дѣла, возьмемъ государственныхъ крестьянъ. Они платили оброкъ и до выкупа земли, а когда былъ объявленъ выкупъ, вмѣсто оброка были назначены выкупные платежи. Правда, послѣдніе были выше оброка, но возвышеніе налоговъ предоставляется государству и не противорѣчитъ самому существу государственнаго устройства. Какое же основаніе требовать возврата выкупныхъ платежей, если земля теперь сдѣлалась собственностью крестьянъ?

Еще больше недоумѣній вызываетъ способъ осуществленія этой мѣры. Чтобы получить средства, необходимыя для возвращенія крестьянамъ выкупныхъ платежей, предлагаютъ конфисковать земли опредѣленныхъ категорій. Такъ какъ конфискація сама по себѣ еще средствъ не дастъ, то необходимо приступить къ продажѣ конфи-

скованныхъ земель, а полученныя деньги употребить на намѣченныя цѣли. Такое требованіе можно объяснить только полною путаницею понятій. Если крестьяне страдаютъ отъ малоземелья, то всего проще, казалось бы, поставить въ ихъ распоряженіе земли, которыя предполагается конфисковать. Вмѣсто этого землю предлагаютъ продать. Кому же, спрашивается, можно ихъ продать, если продажа предназначается для полученія денегъ? Конечно, тѣмъ, которые будутъ предлагать болѣе высокія цѣны; слѣдовательно, земли, необходимыя крестьянамъ, рискуютъ перейти къ деревенскимъ кулакамъ, городскимъ капиталистамъ и всякаго рода спекулянтамъ. Что же это за разрѣшеніе аграрнаго вопроса? Отдавать землю тѣмъ, которые могутъ ею пользоваться какъ средствомъ для закабаленія населенія, и на ряду съ этимъ оставлять безъ земли населеніе, такъ нуждающееся въ землѣ. Или закабаленіе сельскаго населенія входитъ въ програму партій? Но тогда не зачѣмъ въ самой же программѣ говорить, что она ставитъ своею задачей „устраненіе остатковъ крѣпостного порядка". Создавать народный фондъ для культурныхъ и блатворительныхъ нуждъ сельскихъ обывателей и съ этою цѣлью распродавать земли, которыя въ рукахъ покупщиковъ могутъ служить орудіемъ для разоренія населенія, это очень трудно вяжется съ какою бы то ни было программою. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, допустить продажу тѣхъ земель, которыя могутъ быть орудіемъ закабаленія населенія, когда всего проще передать эти земли нуждающемуся въ нихъ населенію? Неужели же примѣръ французской революціи не былъ достаточно убѣдителенъ, и требуются еще новые эксперименты? Но тогда нужны были деньги для покрытія бюджета и для веденія войнъ; тогда на первый планъ ставились вопросы финансовые, а не вопросы объ улучшеніи положенія крестьянъ, тогда какъ теперь рѣчь идетъ объ аграрной реформѣ. Земли церковныя, монастырскія и дворянскія, распродававшіяся революціоннымъ правительствомъ, достались не тѣмъ классамъ, которые должны были бы ихъ получить, если бы это мѣропріятіе вызывалось желаніемъ провести аграрную реформу. Значительная часть земли попала въ руки спекулянтовъ, зажиточныхъ классовъ, городскихъ капиталистовъ и т. д.

Неужели же и намъ теперь, когда ставятся на первый планъ интересы крестьянъ, можно предлагать, вмѣсто передачи подлежащихъ конфискаціи земель крестьянамъ, продажу ихъ для полученія средствъ, предназначенныхъ на составленіе какого-то благотворительнаго народнаго фонда? Это было бы верхомъ безумія—выбрасывать на рынокъ милліоны десятинъ земли и отдавать ихъ первому покупателю, который предложитъ болѣе высокую цѣну, и дѣлать это якобы въ интересахъ крестьянъ.

Не совсѣмъ ясно, какимъ путемъ на владѣльцевъ, воспользовавшихся выкупною ссудою, можетъ быть возложенъ налогъ на возмѣщеніе платежей крестьянамъ. Прежде всего, съ 1861 г. осталось очень мало владѣльцевъ, получившихъ выкупныя ссуды; большая часть земель раздробилась, перешла по наслѣдству и по другимъ актамъ къ другимъ лицамъ. Какимъ же образомъ можетъ тогда взиматься налогъ? Онъ будетъ падать не на опредѣленный классъ, а на извѣстное число лицъ, только на крупныхъ землевладѣльцевъ, притомъ не на всѣхъ, а на часть ихъ. Нельзя себѣ представить, въ какой формѣ и на какихъ основаніяхъ долженъ взиматься этотъ налогъ. Или самая операція выкупа была неправильна? Но тогда совершенно непостижимо, какъ можно измѣнять самый характеръ государственныхъ мѣръ, совершавшихся на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ, если въ моментъ совершенія сдѣлокъ были соблюдены всѣ требованія закона. Къ тому же трудно уловить, для чего понадобился этотъ дворянскій налогъ. Если дворяне, воспользовавшіеся выкупною ссудою, должны возвратить ссуду, то сумма должна быть въ точности указана; это былъ бы возвратъ незаконно полученнаго капитала, но тогда не зачѣмъ конфисковать монастырскія, церковныя, удѣльныя и другія имущества. Вѣдь, продажа этихъ имуществъ съ избыткомъ покроетъ уплаченныя крестьянами выкупныя суммы и ни въ какомъ донолнительномъ налогѣ не представляется надобности. Или же имѣется въ виду вообще обложить богатыхъ въ пользу бѣдныхъ; но тогда не зачѣмъ было бы упоминать только о дворянахъ землевладѣльцахъ, воспользовавшихся выкупною ссудою.

Вырученныя суммы предназначаются на образованіе

народнаго фонда для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ. Я нисколько не возражаю противъ народнаго фонда; но не могу признать, чтобы для образованія такого фонда понадобилась продажа земель, которыя, можетъ быть, болѣе необходимы сельскому населенію, чѣмъ фондъ. Продать земли для того, чтобы на вырученныя деньги, можетъ быть, увеличивать площадь крестьянскаго землевладѣнія,—это не мирится съ интересами того самаго населенія, интересы котораго должны во всякомъ случаѣ стоять на первомъ планѣ.

Не могу не указать на то, что въ нашей соціалъ-демократической литературѣ этотъ пунктъ вызываетъ также возраженія. Такъ, въ „Критикѣ аграрныхъ программъ" у г. Маслова мы по поводу этого пункта читаемъ: „это значитъ, что для полученія этихъ суммъ демократическое государство распродастъ тотъ земельный фондъ, который полученъ благодаря перевороту, т. е. предоставитъ его расхитить за безцѣнокъ капиталистамъ, такъ какъ распродажа такого земельнаго фонда лишь обезцѣниваетъ его. Подарокъ получитъ не „народъ", а кучка капиталистовъ. Иначе откуда получатся эти „суммы"?

Дальнѣйшія требованія программы заключаются въ *„устройствѣ крестьянскихъ комитетовъ предназначенныхъ прежде всего для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или, въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки, выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія"*. Собственно говоря, въ этомъ центральный пунктъ всей программы. Если оставить въ сторонѣ народный фондъ, образованіе котораго представляется все-таки довольно неяснымъ, то единственный совершенно опредѣленный пунктъ программы,—это требованіе возвращенія отрѣзковъ.

Что такое отрѣзныя земли, это достаточно извѣстно и останавливаться на этомъ не приходится. Отмѣчу только, что отрѣзки имѣются далеко не во всѣхъ губерніяхъ, распредѣлены крайне неравномѣрно. Мнѣ не приходится говорить и о томъ, что имѣется много мѣстностей, испытывающихъ острую нужду въ землѣ, несмот-

ря на то, что у крестьянъ не была отрѣзана часть земель, которыя они обрабатывали для себя при крѣпостномъ правѣ. Возвращеніе отрѣзковъ не разрѣшитъ, конечно, аграрныхъ неурядицъ, такъ какъ имѣется цѣлый рядъ другихъ причинъ, помимо отрѣзковъ, неблагопріятно вліяющихъ на аграрный строй. Далѣе, отрѣзныя земли во многихъ случаяхъ перешли уже въ крестьянскія руки; большею частью онѣ были предметомъ сдѣлокъ чрезъ Крестьянскій банкъ. Едва ли нужно теперь, послѣ цѣлаго ряда работъ, появившихся въ послѣднее время, доказывать, что возвращеніе отрѣзковъ не дастъ крестьянамъ того количества земли, которое безусловно необходимо для улучшенія ихъ положенія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что реформа, ограничивающаяся возвращеніемъ отрѣзковъ, не обнимаетъ аграрной проблемы во всемъ ея объемѣ, не даетъ отвѣта на крестьянскія нужды, а устраняетъ лишь одну изъ причинъ, ведущихъ къ закабаленію крестьянъ. На первый планъ ставится, очевидно, не крестьянская нужда, не расширеніе крестьянскаго землевладѣнія на счетъ частновладѣльческаго, а исключительно измѣненіе характера крестьянскаго хозяйства и взаимныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками. Нужно устранить остатки крѣпостного права и усилить классовую борьбу въ деревнѣ, а такъ какъ, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, это можетъ быть достигнуто путемъ возвращенія отрѣзковъ, то больше ничего и не требуется. Соціалъ-демократы въ данномъ случаѣ имѣютъ въ виду не крестьянина съ его нуждою, не стремятся поэтому къ устраненію малоземелья, совершенно игнорируютъ тотъ фактъ, что малоземелье приняло во многихъ мѣстностяхъ острый характеръ независимо отъ того, получили ли крестьяне при освобожденіи всю землю, которою владѣли, или часть ея была оставлена въ пользу помѣщиковъ, а задаются цѣлью облегчить переходъ къ капитализму, измѣнить характеръ помѣщичьяго хозяйства въ смыслѣ приспособленія его къ капиталистической формѣ. Поэтому рѣчь идетъ не о крестьянахъ вообще, а только о бывшихъ помѣщичьихъ, не объ увеличеніи ихъ землепользованія вообще, а о тѣхъ сравнительно небольшихъ по объему, но важныхъ въ хозяйственномъ отношеніи клиньяхъ, полоскахъ, выгонахъ, кото-

рые съ одной стороны даютъ помѣщику возможность держать въ кабалѣ крестьянъ, а съ другой стороны служатъ препятствіемъ для реорганизаціи помѣщичьяго хозяйства на капиталистическихъ началахъ. Будутъ ли вообще крестьяне въ кабалѣ, это не важно, нужно только, чтобы кабала не была крѣпостною. Слѣдовательно, если крѣпостная зависимость будетъ замѣнена капиталистическою; если крестьяне, получивъ клинья и отрѣзки, все-таки не станутъ на ноги и очутятся въ кабалѣ у своего же деревенскаго ростовщика, соціалъ-демократы считаютъ это вполнѣ естественнымъ, потому что крестьяне тогда будутъ выполнять предназначенную въ программѣ миссію: они будутъ разоряться, земли ихъ будутъ переходить въ руки болѣе зажиточныхъ односельчанъ или городскихъ капиталистовъ, земельная собственность будетъ концентрироваться, а это облегчитъ переходъ къ соціалистическому строю.

Спрашивается только, можетъ ли такая перспектива улыбаться крестьянству? Чего имъ ожидать отъ партіи, которая высказывается принципіально противъ мелкой собственности и считаетъ самое существованіе крестьянства нежелательнымъ; которая усматриваетъ въ немъ сильнѣйшее препятствіе къ развитію соціалистическихъ идей? Съ этой точки зрѣнія программа даетъ меньше, чѣмъ программы тѣхъ умѣренныхъ партій, которыя говорятъ о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, не ограничивая послѣдняго возвращеніемъ отрѣзныхъ земель. При самомъ широкомъ счетѣ отрѣзныя земли не превышаютъ $^1/_5$ или $^1/_6$ площади; слѣдовательно, если рѣчь идетъ о возвращеніи отрѣзковъ, то при наличности 37,7 милл. д. земель, перешедшихъ къ помѣщичьимъ крестьянамъ, отрѣзки составляютъ не болѣе 7—8 милл. десятинъ. Если къ этому прибавить, что часть ихъ и безъ того перешла къ крестьянамъ, то ясно будетъ, чего могутъ ожидать крестьяне отъ соціалъ-демократической программы.

Мы нисколько не ставимъ этого въ упрекъ партіи, потому что она иначе поступить не могла; всякая другая постановка вопроса явно шла бы въ разрѣзъ съ ихъ міросоцерзаніемъ, не допускающимъ крестьянскаго землевладѣнія. И въ этомъ случаѣ я могу сослаться на г. Мас-

лова, отрицательное отношеніе котораго къ этому основному пункту программы тѣмъ болѣе характерно, что онъ самъ причисляетъ себя къ соціалъ-демократамъ.

„Для чего, спрашивается, соціалъ-демократическая партія требуетъ этихъ отрѣзковъ? Въ программѣ говорится, что для уничтоженія кабальныхъ отношеній въ деревнѣ, потому что отрѣзки являются главнѣйшимъ базисомъ отработочной системы, преобладающей не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ Россіи; что надѣленіе отрѣзками поведетъ къ развитію капиталистическихъ отношеній. Это едва ли доказано. Надѣленіе отрѣзками есть надѣленіе мелкими участками земли, но основанное не только на потребностяхъ крестьянскаго хозяйства, сколько историческомъ „преданіи"....

Если отрѣзки являются добавочнымъ надѣленіемъ землею, то нужно расмотрѣть, достаточно ли отрѣзковъ для уничтоженія кабальныхъ отношеній, такъ какъ съ этой точки зрѣнія кабальныя отношенія есть результатъ малоземелья.... Надѣленіе клочками земли *есть надѣленіе землей въ недостаточномъ количествѣ* для веденія прогрессирующаго хозяйства и достаточно для упроченія продовольственнаго, арендующаго, закабаленнаго хозяйства. Слѣдовательно, надѣленіемъ недостаточнаго количества земли продовольственное хозяйство дѣлается прочнѣе. Но уничтожаются ли этимъ кабальныя формы аренды, это нужно еще доказать. Мы доказывали, что онѣ упрочиваются, такъ какъ увеличивается число мелкихъ собственниковъ конкурентовъ при арендѣ помѣщичьей земли...... Что же касается того значенія, которое имѣло бы возвращеніе отрѣзковъ, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что значительная часть ихъ перешла въ руки крестьянъ, но не всегда въ руки тѣхъ, отъ которыхъ отрѣзана; напр., покупали общества государственныхъ крестьянъ. Слѣдовательно, возвращеніе отрѣзковъ предполагаетъ экспропріацію не только помѣщиковъ, но и крестьянскихъ общинъ, купившихъ у помѣщиковъ земли, бывшія до 1861 года въ пользованіи другихъ крестьянъ, т. е. возвращеніе отрѣзковъ предполагаетъ экспропріацію въ нѣсколько разъ большаго числа собственниковъ, чѣмъ экспропріація всего крупнаго землевладѣнія.

На недостаточность реформы, ограничивающейся возвращенiемъ отрѣзковъ, указываетъ и А. В. Пѣшехоновъ. „Отрѣзки, говоритъ онъ въ „*Земельныхъ нуждахъ деревни*", вѣдь, были не вездѣ. Многiе крестьяне получили полностью пахотныя и сѣнокосныя земли, находившiяся въ ихъ распоряженiи; нѣкоторые получили даже прибавку къ своему дореформенному надѣлу. Значительная часть „отрѣзныхъ земель" уже прiобрѣтена крестьянами. Почему же вся русская деревня оказалась и до сихъ поръ остается закрѣпощенною?... Да и что такое „отрѣзки"? При освобожденiи крестьяне лишились не только части земли, находившейся въ ихъ безраздѣльномъ пользованiи, но и существеннаго права пасти скотъ и рубить лѣсъ на владѣльческихъ земляхъ.Этого права лишились всѣ крестьяне. Должно ли оно быть возвращено имъ? Если да, то и говорить, стало быть, нужно не только о „клочкахъ" и „клиньяхъ".... За сорокъ лѣтъ много новыхъ ртовъ народилось, много новыхъ хозяйствъ образовалось, и много невзгодъ пронеслось надъ русской деревней. Неужели же возстановленiемъ крѣпостныхъ размѣровъ крестьянскаго землепользованiя можно теперь исправить „историческую ошибку", и „клочками" и „клиньями", только исправить ее, конечно, невозможно".

Отмѣчу еще одну характерную черту программы; представляющую особенный интересъ вслѣдствiе позднѣйшихъ измѣненiй ея. Это принципiальное признанiе выкупа. Правда, при этомъ дѣлается оговорка, что выкупу подлежатъ лишь земли, перешедшiя въ другiя руки, и что выкупъ этотъ долженъ производиться государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнiя, но оговорки эти не мѣняютъ существа дѣла. Для помѣщиковъ, у которыхъ земля будетъ отнята, совершенно безразлично, какъ будетъ оплачиваться выкупная сумма, за чей счетъ будетъ произведена эта операцiя; для нихъ важно получить выкупную сумму, и они ее получатъ. Спрашивается только, почему эти расходы должны падать на крупное дворянское землевладѣнiе, и какъ надо это понимать. Разъ помѣщикъ возвратилъ отрѣзныя земли, онъ выполнилъ свои обязательства предъ крестьянами, и совершенно непонятно, почему онъ долженъ еще нести на-

логъ за выкупъ той части отрѣзныхъ земель, которая перешла въ другія руки, слѣдовательно, платить за тѣхъ, которые, продавъ свои земли, избавляются и отъ возврата отрѣзковъ и отъ уплаты налоговъ.

Итакъ, соціалъ-демократы даютъ крестьянамъ отрѣзныя земли, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія пойти дальше по пути надѣленія крестьянъ. Они хотятъ отмѣнить всѣ законы, стѣсняющіе крестьянина въ распоряженіи землею, чтобы усилить мобилизацію, которая должна привести къ концентраціи поземельной собственности. Съ другой стороны, программа оставляетъ въ полной неприкосновенности частную поземельную собственность. Отнимая отрѣзныя земли, соціалъ-демократы нисколько не думаютъ не только о насильственномъ захватѣ помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ, но не предлагаютъ и принудительнаго отчужденія для увеличенія площади крестьянскихъ земель. Сохраненіе частной поземельной собственности нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ ихъ программой; напротивъ, они желаютъ только освободить ее отъ наслѣдія крѣпостного времени, превратить ее въ капиталистическую собственность.

Вся аграрная реформа имѣетъ такимъ образомъ своей задачею усиленіе классовой борьбы въ деревнѣ. Для роста капитализма не нужно, конечно, насильственнаго захвата частновладѣльческихъ земель; такого рода дѣйствія шли бы явно въ разрѣзъ съ соціалъ-демократическою программою. Въ самомъ дѣлѣ, вся сила научнаго соціализма, въ отличіе отъ утопическаго, заключается въ томъ, что будущій соціальный строй прямо вытекаетъ изъ современнаго. Производство принимаетъ все болѣе и болѣе крупные размѣры, число предпріятій уменьшается, концентрація производства превращаетъ всѣхъ рабочихъ въ пролетаріевъ; тотъ же процессъ наблюдается будто бы и въ сельскомъ хозяйствѣ. Благодаря этому создается почва для полной реорганизаціи всего экономическаго строя; небольшое число предпріятій, въ которыхъ получаетъ занятіе все населеніе, можетъ безъ всякихъ затрудненій, безъ всякой ломки перейти въ руки государства; вмѣсто современной

частной собственности на землю и капиталъ мы незамѣтно перейдемъ къ такому экономическому строю, въ которомъ не будетъ мѣста частной собственности ни на землю, ни на орудія производства. Стоитъ только прочитать Родбертуса, хотя бы его „Капиталъ“ (четвертое соціальное письмо), чтобы видѣть, какъ современный строй долженъ перейти въ соціалистическій. Потребуются ли для этого столѣтія, какъ думалъ Родбертусъ, или десятилѣтія, какъ думали другіе, но будущій строй съ этой точки зрѣнія не фантастическое построеніе, не утопія, а нѣчто прочное, вытекающее изъ современнаго состоянія. Желаемъ ли мы наступленія соціалистической эры, или не желаемъ; сочувствуемъ ли мы ей, это совершенно безразлично, она должна наступить, независимо отъ нашей воли. Если только допустить, что экономическая жизнь идетъ по тому пути, какой намѣченъ въ работахъ представителей научнаго соціализма, то выводы должны признаваться послѣдовательными. Зачѣмъ прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ, зачѣмъ идти революціоннымъ путемъ, когда и безъ того результатъ будетъ достигнутъ? Отнимите такое построеніе, и научный соціализмъ превращается въ утопію. Соціалъ-демократія по справедливости гордится тѣмъ, что она выводитъ соціалистическій строй изъ современнаго, что она черпаетъ свои силы въ научномъ соціализмѣ, а не въ пылкой фантазіи или благородныхъ чувствахъ самоотверженныхъ, преданныхъ народному благу людей. Именно этимъ объясняется то, что въ трудахъ представителей научнаго соціализма мы не встрѣчаемъ призыва къ насильственному захвату земель или къ конфискаціи различныхъ видовъ капитала; эти мѣры заранѣе исключаются, онѣ не мирятся со всею конструкціею соціалъ - демократическаго идеала. Съ этимъ не мирится практика нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ.

Если посмотрѣть съ этой точки зрѣнія на нашу соціалъ-демократію, особенно на ея отношеніе къ аграрному вопросу, то придется придти къ весьма печальнымъ выводамъ. Прежде всего, программа очень скоро была оставлена, на-ряду съ нею были приняты резолюціи, которыя свели ее къ нулю. Такъ, на первой общерусской конференціи

партійныхъ работниковъ (меньшевики) проведено было слѣдующее постановленіе:

„Соціалъ-демократія поддерживаетъ всякія попытки крестьянъ къ насильственному захвату земель, разъясняя при этомъ крестьянству, что его завоеванія въ борьбѣ съ помѣщиками могутъ быть прочно обезпечены только свободно избраннымъ всенароднымъ учредительнымъ собраніемъ, которому должно быть предъявлено требованіе образованія, на демократической основѣ, особыхъ комитетовъ для окончательнаго устраненія старыхъ, столь тяжелыхъ для крестьянства деревенскихъ порядковъ (крестьянскіе комитеты)“, а для агитаціонныхъ цѣлей признано необходимымъ указывать на первостепенную важность для крестьянства уничтоженія всѣхъ косвенныхъ налоговъ и замѣну ихъ однимъ прямымъ прогрессивнымъ налогомъ на доходъ и наслѣдства.

Спрашивается теперь, какъ примирить такую резолюцію съ программою, въ которой рѣчь шла о возвращеніи отрѣзковъ и даже допускался ихъ выкупъ въ случаѣ перехода имѣнія въ другія руки? Почему это понадобилось поддерживать попытки къ насильственному захвату? Если это вообще признается необходимымъ и вытекаетъ изъ программы, по крайней мѣрѣ, можетъ мириться съ нею, то соціалъ-демократы обязаны были сами активно выступать съ такими предложеніями, а не поддерживать то, что дѣлаютъ крестьяне. Программа далека отъ этого; она исходитъ изъ представленія, что захватъ самъ по себѣ еще ничего создать не можетъ. Теперь положеніе сразу мѣняется: насильственный захватъ встрѣчаетъ уже поддержку. Однако, при этомъ дѣлается оговорка, что для прочнаго обезпеченія завоеванія крестьянъ необходима санкція учредительнаго собранія. Разъ захватъ поощряется, то, казалось бы, въ санкціи учредительнаго собранія не представляется никакой нужды. Напротивъ, если учредительному собранію придается такое важное значеніе, то зачѣмъ поддерживать захватъ. Казалось бы, что захватъ создаетъ большія затрудненія для сколько-нибудь планомѣрной работы. Крестьяне, которые будутъ захватывать помѣщичьи земли, будутъ дѣлать это не для того, чтобы учредительное собраніе ими свободно распо-

ряжалось, а для того, чтобы сохранить ихъ для себя. Крестьяне, прибѣгающіе къ насильственному захвату, преслѣдуютъ не общенародные интересы, а свои собственные; они очень мало интересуются тѣмъ, что достанется ихъ сосѣдямъ, и нисколько не помышляютъ о правильномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса. Отнять у крестьянъ захваченную землю будетъ очень трудно. Если только учредительное собраніе вздумало бы распредѣлять земли согласно дѣйствительной нуждѣ и пожелаетъ отвести ихъ наиболѣе нуждающимся, можетъ быть, не успѣвшимъ еще захватить ихъ для себя, то ему пришлось бы натолкнуться на самое отчаянное сопротивленіе. Во всякомъ случаѣ насильственный захватъ не облегчитъ, а еще больше затруднитъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Борьба будетъ не между крестьянами и помѣщиками, а между отдѣльными общинами внутри крестьянской массы. Едва ли кто будетъ оспаривать, что у крестьянъ не будетъ ни малѣйшаго желанія отдать захваченныя у помѣщиковъ земли другимъ, хотя бы и очень обездоленнымъ крестьянамъ.

Не могу не остановиться и на вопросѣ объ уничтоженіи всѣхъ косвенныхъ налоговъ и замѣнѣ ихъ однимъ прямымъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы и наслѣдства. Правда, этому придается агитаціонный характеръ, но неужели же еще нужно доказывать, что такая замѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ прямымъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы и наслѣдства невозможна при сохраненіи капиталистическаго строя? Достаточно сослаться на Энгельса, категорически высказавшагося противъ осуществимости такой реорганизаціи налоговой системы, чтобы убѣдиться, до какой степени фантастично такое требованіе.

„Замѣна всѣхъ существующихъ и косвенныхъ налоговъ однимъ прогрессивнымъ налогомъ на всѣ доходы выше 3000 франковъ, говоритъ онъ въ брошюрѣ „Крестьянскій вопросъ“, во Франціи и въ Германіи уже много лѣтъ предполагается почти во всѣхъ соціалъ-демократическихъ программахъ. Выставленіе его спеціально въ интересахъ мелкихъ крестьянъ является новостью и доказываетъ только, какъ мало понятно его значеніе. Возьмемъ, напримѣръ, Англію. Тамъ государственный бюджетъ простирается до 90 милліоновъ фунтовъ стер-

линговъ. Отъ 13½ до 14 милліоновъ изъ нихъ доставляютъ налоги на доходы; остальные же 76 милліоновъ получаются отъ обложенія разныхъ сдѣлокъ (почта, телеграфъ, штемпель), въ огромномъ же большинствѣ отъ обложенія народнаго потребленія, путемъ постояннаго урѣзыванія маленькими незамѣтными, но собирающимися во многіе милліоны суммами доходовъ всѣхъ гражданъ, преимущественно же наиболѣе бѣдныхъ. И въ современномъ обществѣ врядъ ли возможно инымъ способомъ покрыть государственные расходы. Предположимъ, что всѣ эти 90 милліоновъ въ Англіи взимаются прямымъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы въ 120 фунтовъ стерлинговъ и выше. Среднее годовое накопленіе, ежегодное увеличеніе національнаго богатства Англіи составляло, по Гиффену, въ 1865—75 годахъ 240 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Скажемъ, что оно теперь равняется 300 милліонамъ ежегодно; налоговое бремя въ 90 милліоновъ поглотило бы тогда почти треть всего дохода. Иначе говоря, ни одно правительство, кромѣ соціалистическаго, не можетъ провести ничего подобнаго. Когда же у кормила правленія станутъ соціалисты, они произведутъ такія измѣненія, при которыхъ эта податная реформа явится временной, совершенно незначительной уплатой въ счетъ долга, а мелкимъ крестьянамъ откроются совершенно иныя перспективы“.

Но отступивши отъ программы, наша соціалъ-демократія на этомъ не остановилась, она пошла дальше въ томъ же направленіи. На III съѣздѣ постановлено „пропагандировать въ широкихъ слояхъ народа, что соціалъ-демократія ставитъ своею задачею самую энергическую поддержку всѣхъ революціонныхъ мѣропріятій крестьянства, способныхъ улучшить его положеніе, вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель“.

Что это имѣетъ общаго съ возвращеніемъ отрѣзковъ чрезъ крестьянскіе комитеты? Вмѣсто крестьянскихъ комитетовъ являются уже революціонные крестьянскіе комитеты. Что касается конфискаціи, то партія очевидно предъ нею не останавливается и даже распространяетъ ее на казенныя земли. Повидимому, эти земли должны

быть тоже раздѣлены на участки и поступить въ собственность отдѣльныхъ крестьянъ или обществъ. Такое назначеніе казенныхъ земель вполнѣ понятно въ программѣ союза землевладѣльцевъ или торгово-промышленной партіи, но какъ оно могло войти въ программу соціалъ-демократіи? Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у германскихъ соціалъ-демократовъ. Напротивъ, они требуютъ расширенія сферы государства и говорятъ о выкупѣ лѣсовъ и водъ, но никогда не допускаютъ сокращенія фонда государственныхъ земель. Не объясняется ли это желаніемъ приспособить програму къ потребностямъ даннаго момента, когда выяснилось, что основная программа, предлагающая крестьянамъ отрѣзки, встрѣчаетъ еще меньше симпатій, чѣмъ программы либеральныхъ партій.

Спрашивается теперь, допустимы ли такія измѣненія въ основныхъ требованіяхъ партіи, имѣющей свою исторію и создававшей свою программу постепенно, на основаніи западно-европейскаго опыта? На тактику нашей соціалъ-демократіи очевидно оказали дѣйстія событія прошлаго года, когда аграрныя волненія широкою волною разлились по всей странѣ. Когда крестьяне начали поджигать усадьбы, вырубать лѣса, уничтожать инвентарь и фактически захватывать земли, тогда старая программа соціалъ-демократической партіи не могла бы имѣть никакого успѣха. Къ тому же аграрныя волненія приводились въ связь съ агитаціею соціалистовъ-революціонеровъ, по отношенію къ которымъ соціалъ-демократы обнаруживали еще больше непримиримости и ненависти, чѣмъ по отношенію къ умѣреннымъ партіямъ. Когда соціалисты-революціонеры на Крестьянскомъ Съѣздѣ и въ своихъ органахъ заявляли, что въ Саратовской губерніи волненія возникли подъ вліяніемъ ихъ агитаціи, соціалъ-демократы увидѣли, что они рискуютъ быть окончательно выброшенными за бортъ, если только не рѣшатся своевременно отступить отъ своей програмы и не пойдутъ на встрѣчу крестьянскимъ стремленіямъ. Соціалъ-демократы не останавливались при этомъ на томъ, что поддержка революціонныхъ дѣйствій крестьянъ рѣзко расходится съ ихъ программою, что стремленія крестьянъ идутъ явно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что предлагаетъ партія, что, выска-

зываясь въ пользу крестьянскихъ требованій, они окончательно подрываютъ всю свою программу. Надо было, во что бы то ни стало, показать, что революціонныя дѣйствія встрѣчаютъ ихъ поддержку,—они въ дополненіе къ программѣ выработали резолюціи, прямо противорѣчащія программѣ, но зато открывавшія имъ возможность идти въ деревню.

Имѣли ли они въ виду поддерживать крестьянъ до конца и оставить окончательно программу? Объясненіе, которое партія должна была дать въ отвѣтъ на предъявленное ей обвиненіе въ противорѣчіи между программою и позднѣйшими постановленіями, показываетъ, что этимъ постановленіямъ придавался лишь характеръ тактическаго пріема. Послушаемъ, что по этому поводу писали въ „Борьбѣ“, органѣ соціалъ-демократовъ. „Отдайте крестьянамъ безъ выкупа всѣ тѣ земли, которыя служатъ орудіемъ для ихъ закабаленія, которыя находятся въ продовольственной и отработочной арендѣ... Крестьянинъ большею частью падокъ къ землѣ, инстинктивно стремится забрать ее всю. На этомъ въ значительной степени строится аграрное движеніе. Въ революціонный моментъ, нами переживаемый, пролетаріатъ стоитъ одиноко“,—ему нужны союзники, союзникомъ можетъ быть крестьянство.

Итакъ, крестьянское движеніе само по себѣ не интересуетъ соціалъ-демократовъ. Оставаясь партіею пролетаріата, соціалъ-демократы плохо оріентируются въ аграрномъ вопросѣ, деревня остается для нихъ сфинксомъ, они никакъ не могутъ втиснуть ее въ установленныя рамки, и все, что она могла придумать, это создать изъ крестьянъ союзника для городского пролетаріата. Дальнѣйшая судьба крестьянскаго движенія, его конечныя цѣли, стремленіе получить землю,—все это отступаетъ для соціалъ-демократовъ на задній планъ. Они хотятъ воспользоваться движеніемъ исключительно для своихъ цѣлей, для проведенія общей своей программы. Поэтому крестьяне имъ нужны, они готовы поддерживать крестьянское движеніе, но только до тѣхъ поръ, пока оно будетъ носить революціонный характеръ. Если же, получивъ землю, крестьяне успокоятся, пожелаютъ на самомъ дѣлѣ удержать ее за собою, тогда соціалъ-демократы отка-

жутся отъ нихъ и вмѣсто широкаго требованія всѣхъ земель снова появляются отрѣзки.

Что тактика соціалъ-демократіи носитъ именно такой характеръ, видно изъ слѣдующаго заявленія: „И вотъ почему, читаемъ мы въ той же газетѣ, по условіямъ настоящаго момента, когда нѣтъ времени ждать большей сознательности крестьянства и работать надъ развитіемъ этой сознательности, въ надеждѣ на скорый успѣхъ, выставляется тактическій лозунгъ—поддержка крестьянскаго движенія, вплоть до конфискаціи всей земли". Итакъ, конфискапія всей земли—это только тактическій лозунгъ. Если крестьяне принимаются за осуществленіе такого плана путемъ захвата, соціалъ-демократія готова ихъ поддерживать, но, если бъ крестьяне смотрѣли на это не какъ на тактическій лозунгъ и пожелали бы сами распоряжаться захваченною землею, тогда немедленно выясняется, что это нисколько не совпадаетъ съ планами соціалъ-демократовъ. „За этимъ лозунгомъ долженъ быть сохраненъ тактическій характеръ. Аграрная же программа должна содержать требованіе передачи трудовому крестьянству тѣхъ земель, которыя служатъ орудіемъ для его закабаленія".

Нельзя не удивляться такой тактикѣ. Крестьяне будутъ захватывать всю землю, но не для того, чтобы въ дѣйствительности воспользоваться ею, а для того, чтобы потомъ изъ рукъ соціалъ-демократовъ получить „тѣ земли, которыя служили орудіемъ для ихъ закабаленія", т. е. для того, чтобы получить только часть того, что они захватили. Крестьяне будутъ, слѣдовательно, работать не для осуществленія своихъ собственныхъ стремленій, а для выполненія программы соціалъ-демократовъ. „Въ тактическомъ требованіи соціалъ-демократія не выступаетъ съ собственною иниціативою, а только присоединяется къ иниціативѣ крестьянства, поддерживаетъ его починъ. Допустимъ, что крестьянство измѣнитъ революціи. Тогда тактическое требованіе немедленно отпадаетъ. Программное остается, не смотря ни на какія измѣны. Оставаясь пролетарскою партіею, соціалъ-демократія должна всегда стоять на этой почвѣ въ аграрномъ вопросѣ".

Такимъ образомъ судьба крестьянъ зависитъ отъ ихъ

поведенія. Если они измѣнятъ революціи, т. е. вздумаютъ удержать за собой землю, тогда соціалъ-демократы имъ дадутъ отрѣзки, а такъ какъ крестьяне не могутъ не измѣнить революціи, и совершаютъ ее такъ, какъ они ее понимаютъ, а не такъ, какъ это соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ соціалъ-демократовъ, то имъ придется довольствоваться отрѣзками.

Могутъ ли крестьяне не измѣнить революціи, и въ чемъ съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи можетъ заключаться измѣна? Чтобы программа, выработанная соціалъ-демократіею, встрѣтила откликъ въ деревнѣ, на это, конечно, разсчитывать нельзя. Это понимаютъ сами соціалъ-демократы; не даромъ же они говорятъ, что теперь нѣтъ времени ждать большей сознательности крестьянства и работать надъ развитіемъ этой сознательности въ надеждѣ на скорый успѣхъ. Слѣдовательно, движеніе будетъ носить нежелательный для соціалъ-демократіи характеръ, а тогда, казалось бы, нѣтъ никакихъ основаній поддерживать крестьянское движеніе. Но оставаться въ сторонѣ отъ движенія, въ которомъ принимаютъ такое участіе ихъ соперники, соціалисты-революціонеры, значило бы окончательно уступить имъ мѣсто. Это и привело къ тому, что партія стала на сбивчивый, опасный, полный внутреннихъ противорѣчій путь.

Такова программа нашей соціалъ-демократіи; таковы ея тактическіе пріемы. Мы видѣли, какъ отъ отрѣзковъ она перешла къ конфискаціи всѣхъ частновладѣльческихъ земель. Сегодня она предлагаетъ отрѣзки, но если другіе выступаютъ съ требованіемъ конфискаціи всѣхъ земель, то и она готова высказаться за конфискацію. Начавъ съ выкупа, она очень скоро перешла къ полному отрицанію выкупа. Совсѣмъ не то встрѣчаемъ мы у соціалъ-демократовъ въ Германіи; по крайней мѣрѣ, даже такіе выдающіеся дѣятели, какъ Энгельсъ, очень далеки отъ того, что предлагаютъ наши соціалъ-демократы. „Наша задача по отношенію къ мелкимъ крестьянамъ, говоритъ онъ въ цитированной выше брошюрѣ, состоитъ

прежде всего въ томъ, чтобы ихъ частное производство и частную собственность перевести въ товарищескую, но не насильственно, а посредствомъ примѣра и предложенія общественной помощи для этой цѣли. И тогда у насъ, разумѣется, будетъ достаточно средствъ, чтобы предоставить крестьянину всѣ преимущества, которыя и теперь уже должны быть ему разъяснены.... Мы можемъ обѣщать имъ только, что не будемъ противъ ихъ воли силой вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя отношенія. Далѣе, мы можемъ также вступиться и за то, чтобы борьба капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ противъ мелкаго крестьянства уже и теперь велась какъ можно менѣе несправедливыми средствами, и возможно больше мѣшать прямому грабежу и мошенничеству, которые случаются слишкомъ часто. Но удаваться это будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. При развившемся капиталистическомъ способѣ производства никто не знаетъ, гдѣ кончается честное веденіе дѣла и гдѣ начинается мошенничество. Но, во всякомъ случаѣ, будетъ значительная разница, станетъ ли общественная власть на сторону мошенника, или на сторону лицъ, страдающихъ отъ мошенничества. А мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина; мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы ему было споснѣе жить, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, въ случаѣ если онъ еще не будетъ въ состояніи на это рѣшиться; въ томъ же случаѣ, если онъ еще не будетъ въ состояніи принять это рѣшеніе, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать объ этомъ на своемъ клочкѣ“.

Но не только по отношенію къ мелкимъ, но и по отношенію къ крупнымъ и среднимъ крестьянамъ, онъ предлагаетъ дѣйствовать только путемъ убѣжденія. Мы имѣемъ твердое экономическое убѣжденіе, продолжаетъ Энгельсъ, что крупный и средній крестьянинъ долженъ неминуемо погибнуть отъ конкуренціи капиталистическаго хозяйства и дешеваго заокеанскаго производства зерна, какъ на это указываетъ все возрастающая задолженность и повсемѣстно очевидный упадокъ также и этихъ крестьянъ. Противъ этого упадка мы ничего не можемъ сдѣлать, кромѣ развѣ того, чтобы рекомендовать и здѣсь соединеніе хозяйствъ въ

товарищества, въ средѣ которыхъ эксплоатація наемнаго труда могла бы все болѣе или болѣе уменьшаться, и которыя могли бы постепенно стать вѣтвями великаго производительнаго національнаго товарищества съ равными правами и обязанностями. Если эти крестьяне не поймутъ неизбѣжности ихъ теперешняго способа производства и не сдѣлаютъ изъ этого необходимые выводы, то пусть они идутъ къ намъ, и нашей обязанностью будетъ посильно облегчить также и имъ переходъ въ новую форму производства; въ противномъ случаѣ мы должны ихъ предоставить ихъ собственной судьбѣ и обратиться къ ихъ наемнымъ рабочимъ, у которыхъ мы найдемъ сочувствіе. *Отъ насильственной экспропріаціи мы, по всей вѣроятности, удержимся и здѣсь*, но, впрочемъ, будемъ надѣяться на то, что экономическое развитіе сдѣлаетъ болѣе доступными благоразумію и эти крѣпкія головы....

Совершенно иначе обстоитъ дѣло только съ крупнымъ землевладѣніемъ. Здѣсь передъ нами ничѣмъ непокрытое капиталистическое производство, и въ этомъ случаѣ у насъ уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Здѣсь мы встрѣчаемъ массовый сельскій пролетаріатъ, и задача наша ясна. *Мы отнюдь не считаемъ недопустимымъ выкупъ.* Марксъ высказывалъ мнѣ не разъ свое мнѣніе, что дѣло обошлось бы дешевле всего, если бы мы могли откупиться отъ всей этой банды".

Къ аграрной программѣ въ программѣ соціалъ-демократической партіи въ Германіи я еще возвращусь,—теперь я хотѣлъ только указать на то, что наша соціалдемократія выработала программу, которая не можетъ встрѣтить сочувствія со стороны крестьянскаго населенія, такъ какъ совершенно не удовлетворяетъ нуждамъ деревни.

II.

Аграрная программа соціалистовъ-революціонеровъ.

Едва ли какая-нибудь партія имѣла въ послѣднее время большій успѣхъ въ деревнѣ, чѣмъ соціалисты-революціонеры. Основныя идеи ея не новы, онѣ имѣютъ свою исторію, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что исторія эта имѣетъ много славныхъ страницъ. Народничество всегда удѣляло особенное вниманіе деревнѣ, никогда не измѣняло тѣмъ традиціямъ, которыя со временъ Чернышевскаго на первый планъ ставили всегда, безъ малѣйшихъ колебаній, интересы крестьянской массы. Съ самаго освобожденія крестьянъ народники неустанно доказывали, что государство обязано создать для крестьянскаго хозяйства такія условія, при которыхъ оно могло бы развиваться, а крестьянское населеніе вышло бы изъ того состоянія, въ которое его поставила крестьянская реформа. Однако, народническая литература, оказавшая такое большое вліяніе на все современное поколѣніе, не ставила вопроса о землѣ на ту почву, на которую онъ ставился теперь, когда дѣлаются попытки перенести формулы „земля божья“, „земля принадлежитъ народу“, „каждый имѣетъ право на землю“ изъ сферы идеала въ дѣйствительную жизнь.

Нашимъ народникамъ, какъ совершенно вѣрно было указано, дѣйствительно не приходилось учиться у Джорджа. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что идеи, которыми проникнута народническая литература, много выше и благороднѣе, хотя, можетъ быть, еще неопредѣленнѣе и туманнѣе, чѣмъ идея націонализаціи земли Джорджа. Земля должна принадлежать народу, ею долженъ пользоваться всякій, желающій приложить къ ней свой трудъ; частная собственность на землю недопустима; по отношенію къ землѣ можетъ быть допущено лишь поль-

зованіе, притомъ въ размѣрахъ, не превышающихъ трудовой нормы,—все это идеи, которыя не могутъ вызывать никакихъ возраженій со стороны тѣхъ, которые не считаютъ современный строй экономическихъ отношеній единственно справедливымъ; но признавать извѣстныя идеи не значитъ еще признавать опредѣленную программу, которая пытается ихъ осуществить. Общія идеи могутъ встрѣтить сочувствіе, какъ идеалъ онѣ могутъ находить сторонниковъ; но совсѣмъ другое дѣло, когда ихъ рѣчь идетъ о конкретныхъ мѣропріятіяхъ, которыя подлежатъ немедленному осуществленію. Вотъ именно съ этой послѣдней точки зрѣнія и подлежитъ разсмотрѣнію программа соціалистовъ-революціонеровъ. Не конечный идеалъ, не общія идеи, а пути и средства къ ихъ осуществленію,—вотъ что можетъ имѣть значеніе при оцѣнкѣ ихъ программы.

Основною цѣлью своею партія ставитъ — „соціализацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ на началахъ уравнительнаго пользованія". Было бы, конечно, крайне ошибочно отождествлять соціализацію съ соціализмомъ. Подъ словомъ „соціализація" разумѣется переходъ всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ руки крестьянскихъ общинъ, а отъ этого до соціализма еще очень далеко. Указаніе на уравнительное пользованіе не вноситъ еще ясности въ программу, потому что въ него надо еще вложить содержаніе; надо въ точности опредѣлить, что слѣдуетъ понимать подъ уравнительнымъ пользованіемъ, и какъ его достигнуть. Во всякомъ случаѣ переходъ всѣхъ земель въ руки общинъ, хотя бы и демократически организованныхъ, не создастъ еще, по моему мнѣнію, новой почвы для реорганизаціи всего строя поземельныхъ отношеній. Внутри общинъ, хотя бы онѣ и получили въ свое распоряженіе всю частновладѣльческую землю, открывается еще очень широкій просторъ для неравномѣрнаго распредѣленія богатства. Во всякомъ случаѣ едва ли приходится доказывать, что передачею земель въ руки общинъ еще не разрѣшается вопросъ.

Это главное и основное требованіе, по мнѣнію партіи, можетъ, повидимому, совершиться революціоннымъ путемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ того, что партія предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ на тотъ случай, еслибъ переходъ всѣхъ частновладѣльческихъ земель не могъ совершиться въ качествѣ революціонной мѣры; слѣдовательно при извѣстныхъ условіяхъ допускается, что это можетъ быть достигнуто и революціоннымъ путемъ, т. е. посредствомъ насильственнаго захвата, конфискаціи. Если это удастся, никакихъ промежуточныхъ мѣръ не надо, земля сразу перейдетъ къ общинамъ, и будетъ установлено уравнительное пользованіе. Если же это не удастся, то партія высказывается за слѣдующія мѣры:

1) расширеніе права общинъ и территоріальныхъ союзовъ по экспропріаціи частновладѣльческихъ земель;

2) конфискація земель монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и т. п. и обращеніе ихъ, равно какъ и государственныхъ имуществъ, на то же дѣло обезпеченія общинъ достаточнымъ количествомъ земли, а также на нужды разселенія и переселенія;

3) ограниченіе платы за пользованіе землею размѣрами чистаго дохода, за вычетомъ издержекъ производства и платы за трудъ;

4) вознагражденіе за произведенныя улучшенія;

5) обращеніе ренты путемъ спеціальнаго налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія.

Программа эта очень скромна и далеко не совпадаетъ съ тѣмъ, что партія начала проводить на практикѣ; не мирится и съ тѣмъ, что развивали партійные органы. Вопервыхъ, въ ней рѣчь идетъ *объ экспропріаціи* (а не *о конфискаціи*) частновладѣльческихъ земель; а такъ какъ наряду съ этимъ ставится конфискація другихъ земель, то нельзя не сдѣлать вывода, что партія исходила отъ необходимости выкупа, а не насильственнаго захвата частновладѣльческихъ земель. Это вполнѣ совпадаетъ съ тою частью программы, которая предусматриваетъ плату за пользованіе землею. Разъ принципіально допускается арендная плата, то допускается и выкупъ. Можно говорить о той или иной выкупной цѣнѣ, объ условіяхъ выкупа, объ

оцѣнкѣ земли, соотвѣтствующей интересамъ тѣхъ, которые будутъ ею пользоваться; но все это предполагаетъ, что самое отчужденіе производится на началахъ выкупа, т. е. подъ условіемъ вознагражденія прежнихъ собственниковъ. Иначе не приходилось бы говорить о регулированіи аренды. Тамъ, гдѣ землю конфискуютъ, нѣтъ нужды регулировать аренду; если же рѣчь идетъ объ арендѣ, то долженъ признаваться выкупъ. Итакъ, сопоставленіе экспропріаціи однихъ земель съ конфискаціею другихъ и регулированіе аренды даютъ право прійти къ безспорному выводу, что программа партіи принципіально высказывается или, по крайней мѣрѣ, высказывалась за переходъ частновладѣльческихъ земель къ общинамъ подъ условіемъ выкупа. Считаю тѣмъ болѣе важнымъ обратить на это вниманіе, что партія скоро отступила отъ этого и начала отвергать выкупъ.

Основной пунктъ программы заключается въ расширеніи права экспропріаціи, при чемъ право это предоставляется не государству, а общинамъ и территоріальнымъ союзамъ. Въ такой формулировкѣ предъ нами лишь расширеніе существующаго права, не приспособленнаго къ нуждамъ земледѣльческаго населенія. Ясно, что принципъ принудительнаго отчужденія въ интересахъ тѣхъ, которые прилагаютъ свой трудъ къ землѣ, не получилъ еще точной формулировки. Мы не имѣемъ плана аграрной реформы, въ силу которой извѣстные разряды частновладѣльческихъ земель подлежать принудительному отчужденію. Разумѣлось ли при этомъ исправленіе границъ, выкупъ отрѣзковъ или какія-нибудь аналогичныя мѣры, этого изъ программы не видно. Безспорно то, что провозглашенное въ такой формулировкѣ право экспропріаціи не даетъ и того, что даетъ въ этомъ отношеніи программа конституціонно-демократической партіи.

Но и въ этихъ, во всякомъ случаѣ, скромныхъ размѣрахъ экспропріація возлагается не на государство, а на общины. Такое отрицательное отношеніе къ государству мнѣ представляется неправильнымъ; я не могу признать за такой постановкою вопроса никакихъ преимуществъ. Пока аграрная реформа остается дѣломъ общинъ

и территоріальныхъ союзовъ, нельзя ожидать ни планомѣрности, ни однообразія въ ея разрѣшеніи.

Если сравнить этотъ пунктъ программы съ соотвѣтствующимъ пунктомъ конституціонно-демократической программы, то нельзя будетъ не признать, что экспропріація поставлена у конституціоналистовъ правильнѣе и шире, чѣмъ у соціалистовъ-революціонеровъ.

Что касается размѣра дополнительнаго надѣленія, то партія говоритъ только объ обезпеченіи общинъ *„достаточнымъ количествомъ земли“*, не поясняя, что надо понимать подъ словомъ *„достаточное“*. Программа не устанавливаетъ никакой нормы для надѣленія крестьянъ. Поэтому программа и въ этомъ пунктѣ не обладаетъ никакими преимуществами предъ программою конституціоналистовъ, предлагающей произвести отчужденіе *„въ потребныхъ размѣрахъ“*. По существу я не усматриваю въ этомъ недостатка, потому что всякая норма носила бы теоретическій характеръ, но я не вижу, на какомъ основаніи соціалисты-революціонеры такъ пренебрежительно относятся къ программѣ конституціоналистовъ. Итакъ, въ обоихъ этихъ пунктахъ обѣ партіи стоятъ на той же почвѣ, исходятъ отъ тѣхъ же основныхъ положеній; можно поэтому говорить только о болѣе или менѣе удачной формулировкѣ. Лично я считаю формулировку соціалистовъ-революціонеровъ менѣе удачною.

Не могу признать, чтобы статья, регулирующая арендныя условія, была формулирована удачно; по существу она ничѣмъ не отличается отъ ст. 39 программы конституціоналистовъ. Правда, размѣръ арендной платы опредѣленъ въ самой программѣ, но это я считаю скорѣе недостаткомъ, чѣмъ достоинствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ понимать подъ чистымъ доходомъ: тотъ, который получаетъ въ настоящее время помѣщикъ отъ своей земли, или же тотъ, который будетъ получать крестьянинъ.

Единственный пунктъ, который дѣйствительно отличаетъ программу, это пунктъ пятый, который предлагаетъ „обращать ренту путемъ спеціальнаго налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія“. Такой пунктъ могла бы включить любая конституціонная программа, это

сфера коммунальной политики, и не мало городовъ прибѣгаетъ уже къ спеціальному обложенію для коммунальныхъ цѣлей. Налогъ этотъ безусловно справедливъ, но введеніе его представляетъ огромныя затрудненія вслѣдствіе невозможности во многихъ случаяхъ выдѣлить ренту. Впрочемъ, если понимать въ данномъ случаѣ подъ объектомъ обложенія не незаслуженный приростъ доходности и цѣнности, вызванный ростомъ населенія и улучшеніями государственнаго и общественнаго характера, а ренту вообще, т. е. обращеніе всей ренты на нужды общинъ и органовъ самоуправленія, то противъ этого можно сдѣлать всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ единаго налога Джорджа.

Изъ вышеприведеннаго видно, что во всей программѣ нѣтъ ничего такого, чего не могла бы принять конституціонно-демократическая партія. Можно спорить о томъ, кому удалось лучше формулировать основныя требованія, но требованія эти одного и того же порядка. Поэтому я никакъ не могу понять, почему такую программу называютъ соціалистическою и революціонною; по моему мнѣнію, въ ней нѣтъ ни того, ни другого. Все это идеи, которыя можно назвать соціально-политическими, а не соціалистическими. Соціалистическими ихъ можетъ считать тотъ, кто отождествляетъ соціальную политику съ соціализмомъ.

Что еще весьма недавно господствовало убѣжденіе, что отчужденіе частновладѣльческой земли должно быть произведено на началахъ выкупа, въ этомъ не трудно убѣдиться, если обратиться къ г. Пѣшехонову, писателю, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ защитѣ помѣщичьихъ интересовъ. Въ статьѣ „Основныя задачи аграрной реформы“ послѣ цѣлаго ряда громкихъ, но малосодержательныхъ тирадъ по адресу либеральныхъ экономистовъ онъ ополчается противъ тѣхъ, которые считаютъ національзацію всѣхъ частновладѣльческихъ и крестьянскихъ земель неосуществимою. Доводы противниковъ національзаціи земли онъ считаетъ совершенно неубѣдительными, хотя самъ въ то же время при всей своей смѣлости не рѣшается высказаться въ пользу ея немедленной осуществимости. Когда послѣ самой рѣзкой критики по-

становленій московскаго аграрнаго съѣзда 1905 г. ему пришлось выступить съ положительною программою, то на сцену выступили тѣ же мѣры, которыя только что были признаны совершенно негодными. О дополнительномъ надѣленіи говорили на съѣздѣ профессора и землевладѣльцы. Ясно, что они хотѣли обмануть крестьянъ. Точно также къ нимъ слѣдуетъ отнестись съ недовѣріемъ, когда они говорятъ о государственномъ земельномъ фондѣ. Во всемъ этомъ кроется что-то недоброе, опасное; а когда о томъ же дополнительномъ надѣленіи говорятъ соціалисты-революціонеры или г. Пѣшехоновъ, то имъ надо вѣрить, потому что они друзья народа и пользуются исключительною привилегіею говорить отъ его имени.

Что же предлагаетъ г. Пѣшехоновъ? Если отбросить экскурсіи на тему о желательности обращенія поземельной ренты въ пользу государства, имѣющія, можетъ быть, для него прелесть новизны, и общія разсужденія на тему о народномъ бѣдствіи, то положительная программа его сводится къ тому, что онъ полностью принимаетъ то, что предлагаютъ профессора, продавшіе русскій народъ землевладѣльцамъ. „Допустимъ, говоритъ онъ, что операція во всемъ ея объемѣ (т. е. націонализація всей частновладѣльческой земли, оцѣниваемой въ 7 милліардовъ) неисполнима; но вѣдь можно осуществить по частямъ. Выкупить сначала землю въ той ея части, которая необходима для дополнительнаго надѣленія, какъ ее проектируетъ Герценштейнъ“. Какъ видите, дѣло обставлено не такъ скверно, какъ это хочетъ показать г. Пѣшехоновъ. Отпустивъ по моему адресу много лестныхъ комплиментовъ, которые ему были необходимы, чтобы убѣдить читателей, что онъ очень радикаленъ и во всякомъ случаѣ идетъ дальше профессоровъ, которые обязательно должны быть только либералами, онъ заканчиваетъ тѣмъ, что осуществляетъ мою программу и именно такъ, какъ предлагаю я. „Выкупить, продолжаетъ онъ, хотя бы ту землю которая сдается крестьянамъ въ аренду и на которой сами помѣщики, стало быть, хозяйства не ведутъ. Остальную землю можно выкупать постепенно, хотя бы при переходѣ ея отъ теперешнихъ собственниковъ въ другія руки“. Сколько-нибудь внимательный читатель легко мо-

жетъ убѣдиться, что конституціонно-демократическая партія въ данномъ случаѣ идетъ дальше г. Пѣшехонова, потому что допускаетъ принудительное отчужденіе, хотя съ извѣстными ограниченіями, и тѣхъ имѣній, на которыхъ ведется собственное хозяйство.

Что касается надѣльныхъ земель, то хотя г. Пѣшехоновъ имѣетъ точныя свѣдѣнія о настроеніи русскаго крестьянства, и убѣжденъ, что крестьяне горячіе сторонники націонализаціи земли не только помѣщичьей, но и своей, все же крестьянскія надѣльныя земли „можно и не выкупать, за земледѣльческою массою можно оставить это особое право, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не установится демократическій режимъ“. Что надо понимать подъ демократическимъ режимомъ и когда онъ установится, ведетъ ли демократическій режимъ обязательно къ реорганизаціи экономическаго строя, объ этомъ г. Пѣшехоновъ благоразумно умалчиваетъ, но это и не важно, потому что рѣчь идетъ о завтрашнемъ днѣ, а не о болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Для завтрашняго же дня онъ оставляетъ крестьянамъ ихъ надѣльную землю, т. е. дѣлаетъ именно то, что я предлагаю. Но если г. Пѣшехоновъ не идетъ дальше гг. профессоровъ и землевладѣльцевъ, то чѣмъ же онъ отличается отъ тѣхъ, которые, по его собственному заявленію, слишкомъ поторопились дешево продать помѣщикамъ народные интересы? Если въ его положительной программѣ и можно отмѣтить что-нибудь оригинальное, такъ это предложеніе скупать надѣльную землю въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне бросаютъ хозяйство и идутъ на сторону. Землю эту, по его мнѣнію, должно скупать государство и отъ себя сдавать въ аренду. Если это успокаиваетъ г. Пѣшехонова и въ такой мѣрѣ онъ усматриваетъ осуществленіе идеи націонализаціи, то спорить съ нимъ не приходится; нельзя не признать, что требованія его довольно скромны. Смѣю его увѣрить, что такія мѣры нисколько не опасны ни съ какой точки зрѣнія, что землевладѣльцы охотно примутъ такую программу, но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что ему долго приходилось бы собирать землю, чтобы сколько-нибудь замѣтно увеличить государственный земельный фондъ.

Но, можетъ быть, г. Пѣшехоновъ предполагаетъ увеличить государственный фондъ безъ вознагражденія владѣльцевъ? Ничуть не бывало. Напротивъ, онъ дѣлаетъ разсчеты, ясно показывающіе, что землевладѣльцы, у которыхъ будетъ отчуждаться земля, будутъ получать выкупъ, слѣдовательно, и съ этой стороны все обстоитъ благополучно, г. Пѣшехоновъ цѣликомъ принимаетъ то, что онъ подвергъ въ началѣ своей статьи жестокой критикѣ. И г. Пѣшехоновъ напрасно такъ усердствовалъ, его точка зрѣнія не могла удовлетворить молодое народничество.

Чтобы окончательно убѣдить читателей, что предложеніе г. Пѣшехонова въ сущности ничѣмъ не отличается отъ программы, которая продиктована защитниками помѣщичьихъ интересовъ, я сошлюсь на его собственное успокоительное заявленіе. Судя по громкимъ фразамъ, безъ которыхъ онъ повидимому не могъ разсчитывать на успѣхъ, можно было бы думать, что онъ ни на минуту не останавливается предъ ломкою существующаго строя поземельныхъ отношеній. Ничуть не бывало. „Вопросъ о націонализаціи, какъ онъ сейчасъ ставится, вовсе не предрѣшаетъ, по его мнѣнію, одновременной ломки всего аграрнаго строя. Націонализація можетъ быть осуществлена въ видѣ ряда мѣръ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго періода времени. Съ другой стороны, она не требуетъ непремѣнно и безмездной экспропріаціи земельныхъ собственниковъ, ибо ее можно осуществить путемъ выкупа всѣхъ исторически пріобрѣтенныхъ правъ на землю“.

Впрочемъ, конкретныя мѣры не интересуютъ г. Пѣшехонова. Зачѣмъ спускаться на землю, когда сфера общихъ идей представляетъ гораздо болѣе благодарную тему.

„Необходимо, говоритъ онъ, право на землю объединить въ одномъ институтѣ, обезпечивъ при этомъ свободное размѣщенія населенія на территоріи и свободное распредѣленіе его между деревней и городомъ; необходимо освободить земледѣльческую массу отъ эксплоатаціи ея земельными собственниками и для этого изыскать мѣры, чтобы земля не могла служить средствомъ для при-

своенія прибавочнаго продукта, создаваемаго въ чужихъ хозяйствахъ; нужно положить предѣлъ присвоенію земельными собственниками общественнаго достоянія въ видѣ ренты, представляющей результатъ коллективной жизни и коллективнаго труда всего общества".

Какъ это все просто и легко! Создать одинъ институтъ, уничтоживъ всѣ существующія формы собственности, представляющія пестрое разнообразіе, и обезпечить свободное распредѣленіе населенія между деревней и городомъ. Все историческое наслоеніе, установившіяся вѣками формы владѣнія землею не могутъ, конечно, соотвѣтствовать идеалу поземельнаго устройства, но весь вопросъ въ томъ, какъ создать одинъ институтъ. Было бы дѣйствительно поучительно услышать, какими мѣрами можетъ быть объединено право на землю въ одномъ институтѣ, но этого мы не находимъ у г. Пѣшехонова. Всѣ его предложенія очень далеки отъ замѣны существующихъ формъ собственности одною и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обезпечить свободнаго распредѣленія населенія по территоріи. Что же касается освобожденія массы отъ эксплоатаціи земельными собственниками или прекращенія присвоенія ренты землевладѣльцами, то какъ бы талантливо ни развивались эти идеи, а развиваются онѣ уже давно и не только у насъ, но и въ западно-европейской литературѣ, крестьянской массѣ отъ этого нисколько не легче, пока общія идеи не принимаютъ формы конкретныхъ мѣропріятій. Если разсматривать аграрную реформу съ точки зрѣнія идеала, то спорить съ г. Пѣшехоновымъ не приходится, но совсѣмъ другое дѣло, когда мы перейдемъ къ программѣ конкретныхъ мѣропріятій. Смѣшеніе этихъ двухъ точекъ зрѣнія приводитъ къ тому, что какъ г. Пѣшехоновъ, такъ и многіе другіе такъ легко впадаютъ въ утопію.

Если ужъ приходится отчуждать землю у однихъ частныхъ лицъ, то г. Пѣшехоновъ совершенно правъ, когда говоритъ, что незачѣмъ передавать ее другимъ частнымъ лицамъ и незачѣмъ закрѣплять ее за сословіемъ и тѣмъ болѣе за отдѣльными дворами, общинами и селеніями. Но какое отношеніе это имѣетъ къ надѣльнымъ землямъ? Но этотъ вопросъ у г. Пѣшехонова разрѣшается очень просто: ранѣе надѣленную землю нужно освободить отъ

цѣпей, какими приковано къ ней населеніе; освободивъ землю, мы освободимъ и личность.

Все это хорошо, но какъ освободить землю отъ цѣпей? Для этого надо передать всю землю „въ собственность всего народа. Только такимъ путемъ мы разрѣшимъ всѣ задачи, какія можно ставить аграрной реформѣ. Сдѣлавшись собственникомъ своей территоріи, народъ получитъ возможность дѣйствительно вполнѣ свободно размѣститься на ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ избавится отъ одного изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ эксплоатаціи, ибо эксплоатировать его будетъ некому. Разрѣшится вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о рентѣ, которую уже не трудно будетъ обратить на общественныя надобности".

Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ А. Н. Миклашевскій въ „Политикѣ труда и идеала распредѣлительной справедливости" (Спб. 1905 г.), г. Пѣшехоновъ до сихъ поръ повторяетъ сэнъ-симонистскія желанія обезпечить каждому то, что создается его личными усиліями, забывая, что продуктъ есть соціальный результатъ, и что каждый изъ насъ имѣетъ право только на справедливую долю этого продукта. Его три необходимыхъ пункта аграрной платформы были бы понятны, если бы они были простымъ провозглашеніемъ одной стороны соціалдемократической программы. Но тогда ихъ и слѣдовало бы формулировать совсѣмъ иначе и вовсе не такъ утопично. Программа, о которой я говорю, ставитъ своей задачей обобществленіе всѣхъ средствъ производства какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабрикаціи, а, слѣдовательно, и новую организацію всей производительной дѣятельности общества, его обмѣна и условій распредѣленія. Кто можетъ предвидѣть, какой періодъ времени потребуется для этой колоссальной задачи? Г. же Пѣшехоновъ, какъ истинный утопистъ, говоритъ намъ о какомъ-то „свободномъ размѣщеніи населенія на территоріи и о свободномъ распредѣленіи его на классы" и, при этомъ желаетъ, чтобы земля не могла служить средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта, создаваемаго въ какихъ-то „чужихъ" хозяйствахъ, и чтобы былъ „положенъ предѣлъ присвоенію общественнаго достоянія, представляющій результатъ коллективнаго труда".

Кто собирается передать территорію народу и ожидаетъ, что тогда народъ свободно размѣстится на ней, и исчезнетъ рента, что тогда прекратится эксплоатація населенія земельными собственниками, не долженъ былъ бы, какъ намъ кажется, выступать съ мѣрами, которыя въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ того, что предложено было на аграрномъ съѣздѣ. Эта смѣсь идеала съ конкретными мѣропріятіями приводитъ къ тому, что мы никогда не можемъ предвидѣть, чѣмъ закончитъ г. Пѣшехоновъ, къ какимъ заключеніямъ онъ придетъ. Положительныя предложенія его, какъ выше было указано, не отличаются оригинальностью. Если мы остановились на немъ, то сдѣлали это для того, чтобы показать, къ чему сводятся громкія фразы, когда приходится выступать съ программою конкретныхъ мѣропріятій.

Но оставимъ г. Пѣшехонова и возвратимся къ соціалистамъ-революціонерамъ.

Когда начались аграрныя волненія, которыя партія соціалистовъ-революціонеровъ приписывала иногда своей агитаціи, взглядъ на ближайшія задачи аграрной реформы сразу измѣнился. То, что считалось дѣломъ отдаленнаго будущаго, превратилось въ программу завтрашняго дня. Очевидно, признано было, что наступила пора, когда соціализація можетъ быть осуществлена революціоннымъ путемъ.

Но что такое соціализація земли? Отвѣтъ на это мы найдемъ въ брошюрѣ Новоторжскаго, пользовавшейся большимъ успѣхомъ.

Молодое народничество, какъ первоначально называла себя партія, осуждаетъ сохраненіе мелкой земельной собственности съ принципіальной стороны; народники вовсе не желаютъ, чтобы у насъ создались благопріятныя условія для развитія индивидуалистическаго настроенія. Мы беремся, заявляетъ Н., за воспитаніе массы въ коллективистическомъ настроеніи, а мелкое частновладѣльческое хозяйство, прибѣгающее къ вольнонаемному труду, обѣщаетъ намъ слишкомъ мало въ этомъ направленіи. Въ виду этихъ соображеній оно подлежитъ безусловному уничтоженію. Что касается соціализаціи, то подъ нею слѣдуетъ понимать пользованіе огосударствленною землею

свободнымъ общинамъ земледѣльцевъ, не прибѣгающихъ въ обработкѣ земли къ вольнонаемному труду и передѣляющихъ площадь своего землепользованія между собою въ зависимости отъ измѣненій семейнаго состава чрезъ определенное число лѣтъ. Это та же передѣльная община, приспособленная къ націонализаціи путемъ сохраненія общиннаго землепользованія при уничтоженіи общиннаго землевладѣнія. Разъ мы объявляемъ всю землю въ государствѣ общенародною собственностью, передаемъ ее въ общенародное владѣніе, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ всѣ другіе виды владѣнія: частное, казенное, удѣльное, церковное, подворнонаслѣдственное и общинное землевладѣніе. Такъ какъ, однако, большинство населенія привыкло къ другимъ формамъ, то предлагается соціализація, дающая общинникамъ возможность сохранить начало передѣла и послѣ объявленія земли собственностью всего трудового народа.

По отношенію къ наемному труду въ самой категорической формѣ устанавливается требованіе, что онъ не долженъ допускаться. Такъ какъ это требованіе могло бы въ первое время поставить въ затрудненіе семьи съ стариками, женщинами и дѣтьми, которые не въ силахъ обрабатывать своего надѣла собственными силами, то для такихъ случаевъ должно проповѣдывать общественную запашку и уборку, а современемъ, когда это привьется къ жизни, можно издать законъ, обязывающій къ общественной запашкѣ. Разъ земля объявляется народнымъ достояніемъ, то плата за землю не допускается, и всякій, кто бросаетъ землю, получаетъ вознагражденіе только за постройки и инвентарь, а не за землю.

Основныя положенія того, что слѣдуетъ понимать подъ соціализаціею, формулированы слѣдующимъ образомъ:

1. Всѣ земли считаются народною собственностью, т. е. собственностью всего земледѣльческаго класса, или что то же во владѣніи у всего трудового крестьянства.

2. Поэтому верховное право распоряженія принадлежитъ всему земледѣльческому классу въ его цѣломъ.

3. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что государство не имѣетъ права ничего взимать за пользованіе землею, не можетъ устанавливать никакого поземельнаго налога.

4. Крестьянинъ земледѣлецъ является не арендаторомъ государственной земли, а пользователемъ народной земли.

5. Поэтому крестьяне земледѣльцы сами распоряжаются землею посредствомъ разныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а также и чрезъ центральное законодательное учрежденіе, когда это можетъ оказаться необходимымъ, и въ той мѣрѣ, въ какой они сами пожелаютъ.

6. Сами облагаютъ себя на нужды государственнаго общежитія и мѣстнаго самоуправленія прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ или прямымъ поземельнымъ. Такимъ образомъ, изъ признанія земли собственностью всего трудового народа вытекаетъ и право и на самообложеніе.

Не такъ категорически высказывается авторъ по вопросу о выкупѣ. „Такъ какъ вопросъ о томъ, будетъ ли у насъ экспропріація класса землевладѣльцевъ возмездная или безмездная остался открытымъ, и такъ какъ событія не рѣшили его еще ни въ ту, ни въ другую сторону; такъ какъ вообще есть основаніе ожидать частичнаго вознагражденія нынѣшнихъ землевладѣльцевъ и держателей закладныхъ листовъ, то для молодого народничества вопросъ о размѣрахъ и способахъ покрытія дефицитовъ въ бюджетѣ имѣетъ тоже интересъ“.

Отъ себя лично, не за партію, авторъ прибавляетъ, что національзація земли вполнѣ осуществима какъ съ вознагражденіемъ, такъ и безъ вознагражденія за потерю пріобрѣтенныхъ правъ нынѣшними владѣльцами. Признаніе за нѣкоторыми группами нынѣшнихъ владѣльцевъ права на вознагражденіе было бы, по его мнѣнію, цѣлесообразно въ томъ смыслѣ, что тогда со стороны крестьянства потребовалось бы меньше жертвъ, необходимыхъ для полученія земли и воли. Авторъ предполагаетъ, что имъ слѣдовало бы назначать пособія или пенсіи, лишивъ ихъ въ теченіе срока полученія пенсіи права участія въ государственной жизни, что было бы очень желательно въ виду принадлежности землевладѣльцевъ къ консервативнымъ партіямъ.

Меня могутъ спросить, зачѣмъ я такъ подробно излагаю содержаніе брошюры, которая чрезъ два—три мѣсяца будетъ, можетъ быть, окончательно забыта. Кто пережи-

валъ событія послѣдняго года, долженъ будетъ согласиться, что были моменты, когда ученіе соціалистовъ-революціонеровъ считалось откровеніемъ и вытѣсняло все остальное; когда доклады, въ которыхъ излагались взгляды этой партіи, привлекали тысячи слушателей; когда эти идеи немедленно переносились въ народъ. Оказала ли партія дѣйствительно сильное дѣйствіе въ деревнѣ, и ея ли пропагандѣ мы обязаны аграрными волненіями, на это трудно дать опредѣленный отвѣтъ; но если даже вліяніе ихъ въ деревнѣ было далеко не такъ сильно, какъ это нѣкоторые утверждаютъ, все же интересно остановиться на томъ кругѣ идей, которыя имѣли такой большой, хотя, можетъ быть, и кратковременный успѣхъ.

Земля должна считаться народною собственностью, т. е. собственностью всего земледѣльческаго класса, или что то же, во владѣніи у всего трудового крестьянства—такъ формулировано основное положеніе соціализаціи. Не могу согласиться съ такимъ тезисомъ, потому что собственность народа и собственность крестьянства не одно и то же. Я допускаю, что можно признать землю общенароднымъ достояніемъ (болѣе точная, соотвѣтствующая современнымъ формамъ государственной жизни формулировка требовала бы признанія земли государственнымъ достояніемъ, ибо если распоряженіе землею должно принадлежать самому народу, то государственная власть, какъ выразительница воли народа, должна быть тою верховною силою, которая регулируетъ и опредѣляетъ права отдѣльныхъ лицъ или общинъ), но общенародное достояніе понятіе болѣе широкое, чѣмъ трудовое крестьянство. Разъ мы провозглашаемъ землю общимъ достояніемъ, говоримъ о правѣ всѣхъ на землю, нельзя уже говорить, что она должна считаться собственностью земледѣльческаго класса. Отсюда слѣдуетъ, что верховное право распоряженія должно принадлежать не земледѣльческому классу, а государству, потому что вопросъ о землѣ, способахъ и формахъ пользованія имѣетъ огромное значеніе не только для земледѣльцевъ, но и для всѣхъ другихъ классовъ, для всей страны, выразителемъ интересовъ которой является государство, а не какой-нибудь классъ. Если стать на точку зрѣнія отдѣльныхъ классовъ, то рабочій вопросъ

долженъ будетъ вѣдаться исключительно рабочимъ классомъ, интересы ремесленниковъ или другихъ классовъ городского населенія должны будутъ регулироваться ими самими; словомъ, каждый классъ будетъ вершить свои дѣла, какъ будто бы между ними нѣтъ никакихъ отношеній, и отдѣльные классы современнаго общества не сплетены между собою сами тѣсными узами; какъ будто та или иная организація поземельныхъ отношеній не оказываетъ самаго сильнаго вліянія на положеніе наемныхъ рабочихъ, а организація рабочихъ не оказываетъ вліянія на сельское населеніе. Разорвать на части организмъ, который представляетъ современное хозяйство, значитъ не отдавать себѣ отчета въ его организаціи, игнорировать тотъ безспорный фактъ, что, благодаря раздѣленію труда, отдѣльные классы не живутъ самостоятельною жизнью, а неразрывно связаны съ другими классами.

Можно ли при такихъ условіяхъ говорить, что землею будетъ распоряжаться не государство, а земледѣльческій классъ? Это имѣло бы смыслъ тогда, когда современное государство было бы разбито на мелкія земледѣльческія общины, когда исчезли бы города съ ихъ различными классами, имѣющими разнообразныя занятія и промыслы. Тогда исчезло бы самое понятіе современнаго государства, и мы, перешли бы къ иной экономической и соціальной организаціи, при которой земледѣльческое населеніе воплощало бы все населеніе, всѣ классы современнго общества. Между тѣмъ соціалисты-революціонеры предлагаютъ передать распоряженіе землею одному классу не тогда, когда исчезнетъ современное государство, а теперь, при существованіи современнаго государства и установившихся формъ раздѣленія труда, при существованіи городовъ съ ихъ различными классами и интересами.

Далѣе, я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы государство было лишено права устанавливать поземельный налогъ. Если „соціализація есть пользованіе *огосударствленною* землею“, то можно ли отказать государству въ правѣ обложенія? Назовемъ ли мы крестьянина пользователемъ народной земли, или арендаторомъ государственной земли, отъ этого по существу ничего не измѣнится, потому что въ

томъ и въ другомъ случаѣ безусловно допускается право измѣнять и условія, и сроки пользованія. Какое же тогда значеніе имѣетъ противопоставленіе аренды пользованію? Если за пользованіе землею предполагается установить налогъ на нужды государственнаго общежитія и мѣстнаго самоуправленія, то совершенно безразлично, назовемъ ли мы это арендою или пользованіемъ.

Признается ли принципіально государственная власть?

Съ одной стороны государству, повидимому, нѣтъ мѣста, вмѣсто него мы имѣемъ свободныя общины, а съ другой стороны, имѣются указанія на центральное законодательное учрежденіе, на государственное общежитіе. Поэтому взаимныя отношенія между общинами и государствомъ представляются крайне неопредѣленными. Землею крестьяне распоряжаются сами посредствомъ органовъ мѣстнаго самоуправленія; вмѣшательство государства допускается, „когда это можетъ оказаться необходимымъ и въ той мѣрѣ, въ какой они сами пожелаютъ". Итакъ, государственная власть имѣетъ обязательную силу по отношенію къ крестьянамъ земледѣльцамъ, когда они сами этого пожелаютъ и когда это можетъ оказаться необходимымъ. Нельзя не признать, что мы впервые встрѣчаемъ такое пониманіе правъ государства и его полномочій. Государство по этой конструкціи является тогда, когда этого пожелаютъ тѣ, которые должны быть ему подчинены.

Изъ признанія земли собственностью всего трудового народа вытекаетъ право его на самообложеніе; другими словами, за государствомъ не признается право назначенія размѣра обложенія. Можно допустить разверстку опредѣленной народными представителями суммы налоговъ, но передать и самое опредѣленіе суммы налога тѣмъ, которые должны вносить его, это что-то непонятное.

Во всей этой программѣ то, что можетъ считаться идеаломъ, конечною цѣлью, постоянно смѣшивается съ мѣропріятіями, подлежащими осуществленію въ ближайшемъ будущемъ. Если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія идеала, то вполнѣ понятно отрицательное отношеніе и къ частной собственности, не только крупной, но и мелкой, и къ вольнонаемному труду, и ко всѣмъ видамъ собственности

на землю, въ томъ числѣ и къ общинному землевладѣнію; но совсѣмъ другое дѣло, когда положенія, которыя должны оцѣниваться съ точки зрѣнія опредѣленнаго идеала, примѣняются къ современнымъ условіямъ. Такъ, отрицательное отношеніе къ наемному труду, вполнѣ понятное тогда, когда земля объявлена народнымъ достояніемъ и размѣры пользованія опредѣляются семейнымъ составомъ, получаетъ совершенно другой смыслъ, если мы вздумаемъ его примѣнить къ современнымъ условіямъ. Между тѣмъ всѣ эти предложенія постоянно тѣсно переплетаются, и никакъ нельзя опредѣлить, идетъ ли рѣчь объ отдаленномъ будущемъ или же о завтрашнемъ днѣ, строится ли планъ идеальнаго устройства общества или же предлагается конкретное мѣропріятіе. Впрочемъ, нѣкоторымъ объясненіемъ этому служитъ то обстоятельство, что партія усвоила себѣ оригинальный взглядъ на историческій ходъ событій: стоитъ только поднять народъ, и то, что должно было совершиться продолжительнымъ и мучительнымъ путемъ въ теченіе десятилѣтій, а можетъ быть и столѣтій, можетъ совершиться сразу. Такъ, если будетъ признано, а это повидимому и было скоро признано, что соціализація, т. е. изъятіе всѣхъ частновладѣльческихъ земель изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и распоряженіе общинъ и территоріальныхъ союзовъ, можетъ совершиться революціоннымъ путемъ, то сразу должны были отпасть всѣ тѣ требованія, которыя составляютъ программу-минимумъ. Тотъ, кто исходитъ отъ предположенія, что безсознательные крестьяне послѣ пропаганды въ теченіе нѣсколькихъ недѣль могутъ сдѣлаться сознательными и вполнѣ подготовленными для пониманія идеала, за который борются соціалисты-революціонеры, и думаетъ, что революціоннымъ путемъ можетъ совершиться теперь же соціализація земли, тотъ, конечно легко и быстро переходитъ отъ одной программы къ другой, измѣняетъ свои требованія, идетъ дальше первоначальныхъ предположеній и вноситъ такіе элементы, которые не мирятся съ первоначальною программою. Только этимъ можно объяснить, почему соціалисты - революціонеры, допускавшіе выкупъ частновладѣльческой земли, такъ легко начали высказываться

противъ выкупа, какъ только имъ показалось, что деревня уже достаточно распропагандирована. Стихійное движеніе, которое является протестомъ противъ существующаго административнаго и экономическаго гнета, въ ихъ глазахъ пріобрѣтаетъ характеръ строго обдуманнаго, планомѣрнаго движенія, обладающаго не только разрушительною, но и созидательною силою. Деревня поднялась; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы захватомъ частновладѣльческой земли и изгнаніемъ помѣщиковъ мы сколько-нибудь подвинулись въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, какъ это думаютъ соціалисты-революціонеры? Развѣ внутри деревни и во взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными общинами не возникнетъ масса сложныхъ и опасныхъ конфликтовъ, разрѣшеніе которыхъ не можетъ совершиться революціоннымъ путемъ? Такой путь не гарантируетъ, по моему мнѣнію, ни правильности, ни справедливости въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса.

Я не раздѣляю положительныхъ воззрѣній г. Маслова, но въ его критической оцѣнкѣ молодого народничества много справедливаго. „Соціалъ-народники, говоритъ онъ въ „Критикѣ аграрныхъ реформъ", проектируя національзацію земли, предрѣшаютъ и формы хозяйствъ, которыя могутъ оставаться: уравнительное землепользованіе должно совершенно изгнать наемный трудъ... Они предлагаютъ „законодательное воспрещеніе (ни больше, ни меньше!) вольно-наемнаго труда въ общинѣ: одно это вполнѣ бы соотвѣтствовало (!)... народному воззрѣнію". Договориться до предложенія законодательнаго запрещенія наемнаго труда населенію, одна треть котораго не имѣетъ орудій производства (безлошадные), можно только при полномъ игнорированіи печальной дѣйствительности, при узкомъ доктринерствѣ! Прожектеры даже не говорятъ, откуда возьметъ безхозяйное населеніе орудія производства и инвентарь, чтобы уравнительно пользоваться землей. Какъ воспретить наниматься городской бѣднотѣ, когда она пойдетъ на страдныя работы? Вообще при принадлежности отдѣльнымъ лицамъ орудій производства воспретить наниматься на работу, это такой дикій, нелѣпый проектъ, что можно только удивляться существованію соц.-народниковъ въ началѣ двадцатаго столѣтія. Изложенный проектъ могъ

появиться 200 — 400 лѣтъ тому назадъ, когда наемный трудъ игралъ ничтожную роль. Соц.-народники принялись рѣшать аграрный вопросъ слишкомъ упрощеннымъ способомъ: существуетъ экономическое неравенство, — уравнять пользованіе землей! Въ самой основѣ народническихъ воззрѣній скрывается полное игнорированіе науки и жизни и упрямое доктринерство. Въ Россіи развивается капитализмъ? Вздоръ, онъ не долженъ развиваться, потому что у насъ есть община и проч. Хозяйственныя отношенія и въ городѣ и въ деревнѣ сложились такъ же, какъ и на Западѣ? — Нѣтъ, „народныя воззрѣнія" у насъ другія! Вотъ главное оружіе изъ арсенала народничества, которое имѣетъ претензію вести за собой крестьянъ. Не поздоровится этимъ крестьянамъ, если они понадѣются на осуществленіе проектовъ с.-народниковъ, такъ какъ эти проекты никогда не осуществятся. Вся земля не можетъ быть націонализирована въ ближайшее время при существованіи національнаго вопроса и мелкихъ собственниковъ: уравнительное землепользованіе неосуществимо и можетъ быть только на бумагѣ, потому что пользоваться землей всѣ не могутъ при различіи экономическаго уровня населенія; запрещеніе наемнаго труда при отсутствіи у массы населенія средствъ производства—реакціонная утопія".

Если обратимся къ опубликованной въ началѣ года программѣ соціалистовъ-революціонеровъ, то увидимъ, что программа-минимумъ исчезла, но и къ новой программѣ съ полнымъ правомъ можно примѣнить то, что выше сказано о соціализаціи земли.

Программа эта формулирована слѣдующимъ образомъ:

„Въ вопросахъ переустройства земельныхъ отношеній П. С.-Р. стремится опереться, въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, на общинныя и трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности на распространенное среди нихъ убѣжденіе, что земля ничья, и что право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ. Въ согласіи со своими общими воззрѣніями на задачи револю-

ціи въ деревнѣ, партія будетъ стоять за соціализацію земли, т. е. за изъятіе ея изъ товарнаго оборота и обращеніе изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе на слѣдующихъ началахъ: всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями (разселеніе и переселеніе, завѣдываніе резервнымъ земельнымъ фондомъ и т. п.); пользованіе землею должно быть уравнительно-трудовымъ, т. е. обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ; рента путемъ спеціальнаго обложенія должна быть обращена на общественныя нужды; пользованіе землями и угодьями, имѣющими не узко мѣстное значеніе (обширные лѣса, рыбныя ловли и т. д.), регулируется соотвѣтственно болѣе широкими органами самоуправленія; нѣдра земли остаются за государствомъ; земля обращается въ общенародное достояніе безъ выкупа; за пострадавшими отъ этого имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ условіямъ личнаго существованія“ (программа партіи соціалъ-революціонеровъ. Изданіе Моск. Ком. партіи. Январь, 1906 г.).

Такая программа говоритъ объ общихъ воззрѣніяхъ партіи, но не намѣчаетъ никакихъ конкретныхъ мѣропріятій. Можно объявить землю ничьей или общенароднымъ достояніемъ, можно говорить объ обращеніи ренты путемъ спеціальнаго обложенія на общественныя нужды, о конфискаціи всѣхъ частновладѣльческихъ земель и признавать за пострадавшими лишь право на общественную поддержку на извѣстное время,—но я не могу себѣ представить, чтобы такой строй, основанный на „уравнительно-трудовомъ пользованіи землею“, могъ быть достигнутъ путемъ декрета революціоннаго правительства. Провозглашеніе общихъ началъ и принциповъ, основныхъ правъ человѣка и гражданина не разрѣшаетъ еще основныхъ экономическихъ вопросовъ. Если признавать зако-

номѣрность въ экономическихъ явленіяхъ, то нельзя себѣ представить, чтобы современный строй сразу революціоннымъ путемъ превратился въ такой, который объявитъ землю народнымъ достояніемъ, распредѣлитъ ее между отдѣльными общинами и установитъ уравнительное пользованіе, изгонитъ наемный трудъ, уничтожитъ ренту и т. д. Для соціальнаго переворота необходимо такое глубокое внутреннее преобразованіе, которое можетъ совершиться съ теченіемъ времени, при томъ весьма продолжительнаго; изданіе соотвѣтствующаго декрета для этого, по моему мнѣнію, недостаточно. Общинныя и трудовыя начала, на которыя хотятъ опереться соціалисты-революціонеры, нисколько не помѣшали росту индивидуализма въ деревнѣ. Было бы, какъ мнѣ кажется, величайшимъ заблужденіемъ строить такія радикальныя преобразованія на распространенномъ среди крестьянъ убѣжденіи, что земля ничья, и что право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ. Какъ бы ни была заманчива нарисованная соціалистами-революціонерами, хотя и въ весьма туманныхъ очертаніяхъ, картина; какими бы преимуществами ни обладалъ тотъ новый строй, который они обѣщаютъ крестьянству, я все же думаю, что программа всякой дѣйствующей партіи должна указать и на промежуточныя мѣры, которыя могутъ привести къ торжеству новаго строя. Къ тому же всякая программа должна основываться на извѣстномъ міросозерцаніи; поэтому отдѣльныя ея части должны быть согласованы. Нельзя, по моему мнѣнію, въ аграрномъ вопросѣ проводить конфискацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель и въ то же время въ вопросахъ рабочаго законодательства или муниципальнаго хозяйства стоять на почвѣ либеральныхъ программъ и предлагать мѣры, основанныя на признаніи частной собственности не только на капиталъ, но и на городскую землю. Тотъ, кто провозглашаетъ землю общенароднымъ достояніемъ, не долженъ по рабочему вопросу довольствоваться тѣмъ, чтобы предлагать сокращеніе рабочаго времени, усиленіе фабричной инспекціи, страхованіе, ограниченіе работы несовершеннолѣтнихъ и т. д., а въ дѣлѣ самоуправленія предлагать безплатную врачебную помощь, земскую агрономическую организацію, кредитъ для развитія коопера-

ціи, коммунализацію водоснабженія, освѣщенія, путей и средствъ сообщенія и т. д. Стоитъ только сопоставить передачу всей земли трудящимся съ вышеназванными реформами, чтобы видѣть, что по отношенію къ земельной собственности проводится одна точка зрѣнія, одно міросозерцаніе, по отношенію къ другимъ видамъ собственности—совершенно другое. По рабочему вопросу и земскому хозяйству предлагается программа, цѣликомъ стоящая на существующемъ экономическомъ строѣ, основанномъ на частной собственности; подъ такою программою можетъ подписаться и не соціалистическая партія, тогда какъ по отношенію къ земельной собственности проводятся совершенно другіе принципы. Въ самомъ дѣлѣ, если отбросить фразеологію предисловія и послѣсловія программы, утвержденной съѣздомъ партіи и опубликованной московскимъ комитетомъ въ январѣ, то мы имѣемъ цѣлый рядъ мѣръ, которыхъ нельзя считать ни революціонными, ни соціалистическими. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ передачу водопровода, канализаціи, конки, освѣщенія въ руки городского управленія считать соціалистическими мѣрами. По существу такая политика безусловно желательна, но она практикуется уже давно, при томъ городами, которые въ своей политикѣ не преслѣдуютъ не только соціалистическихъ, но даже демократическихъ задачъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ частное желѣзнодорожное московское предпріятіе было выкуплено городомъ, а между тѣмъ московское городское управленіе было очень далеко отъ какихъ бы то ни было не только соціалистическихъ, но и демократическихъ идей. Безплатная врачебная помощь практикуется въ земствахъ, развитіе земской агрономической помощи признается желательнымъ въ прогрессивныхъ земскихъ кругахъ; точно также развитіе коопераціи поощряется и тѣми, которые самымъ категорическимъ образомъ высказываются противъ соціализма. Мало того, именно въ улучшеніи положенія сельскаго населенія, въ подъемѣ культуры, въ дешевомъ меліоративномъ и сельско-хозяйственномъ кредитѣ, въ устраненіи вреднаго посредничества путемъ организаціи товариществъ многіе видятъ надежный оплотъ противъ соціалистическихъ идей.

То же можно сказать и о рабочей программѣ. Установленіе минимума рабочей платы по соглашенію между органами самоуправленія и рабочими союзами, котораго требуетъ программа соціалистовъ-революціонеровъ, уже начинаетъ въ настоящее время входить въ практику и въ Англіи, и во Франціи, и въ Бельгіи, и въ цѣломъ рядѣ другихъ государствъ, а покровительство профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ и предоставленіе имъ участія въ установленіи внутренней организаціи труда мирится съ программами тѣхъ партій, которымъ соціалисты объявляютъ войну. Все это мѣропріятія, для осуществленія которыхъ несомнѣнно придется еще вынести большую борьбу съ представителями интересовъ капитала, но они не идутъ въ разрѣзъ съ частноправною экономическою организаціею. Можетъ быть, нѣкоторые изъ пунктовъ формулированы въ слишкомъ категорической формѣ, но другихъ возраженій противъ этихъ отдѣловъ сдѣлать нельзя. Даже такой пунктъ, какъ 8-часовой рабочій день, не можетъ вызывать принципіальныхъ возраженій. Можно говорить, что такая норма не можетъ быть немедленно осуществлена во всѣхъ отрасляхъ производства, что необходима извѣстная градація въ сокращеніи рабочаго дня; но никто не можетъ утверждать, что она не мирится съ переживаемою европейскими народами стадіею развитія. Рабочій при 8-часовомъ днѣ остается такимъ же рабочимъ, какимъ онъ является при болѣе продолжительномъ днѣ, а капиталистъ или фабрикантъ при сокращеніи рабочаго дня остается такимъ же получателемъ процента или прибыли, какимъ былъ прежде. Будетъ ли рабочій получать на свою долю больше, а фабрикантъ меньше, это не измѣняетъ факта, что рабочій остается рабочимъ, а фабрикантъ—фабрикантомъ.

Совершенно не то представляетъ аграрная программа. Тутъ партія соціалистовъ-революціонеровъ отрѣшается отъ той твердой почвы, на которой построена рабочая или муниципальная программа. Мы переносимся сразу на другую почву; мы имѣемъ передъ собою не конкретныя мѣропріятія, не реформы, которыя могутъ быть осуществлены, а новый строй поземельныхъ отношеній, переходъ къ которому совершенно не намѣченъ. Для всякаго

рода крупныхъ преобразованій требуется, во всякомъ случаѣ, извѣстное соотвѣтствіе между различными сторонами экономической организаціи. Тамъ, гдѣ земля дѣлается общенароднымъ достояніемъ, признается только уравнительно-трудовое пользованіе ею; гдѣ земля отнимается у прежнихъ владѣльцевъ безъ выкупа, а рента обращается на общественныя нужды, тамъ не должно быть мѣста капиталистической организаціи промышленности, тамъ нельзя довольствоваться тѣмъ, чтобы предлагать мѣры, направленныя къ регулированію отношеній между хозяевами и рабочими. Измѣненія въ экономическихъ отношеніяхъ производятся одновременно во всѣхъ отрасляхъ приложенія труда, между тѣмъ какъ по программѣ соціалистовъ-революціонеровъ для сельскаго хозяйства предполагается совершенно иной строй, чѣмъ для другихъ отраслей народнаго хозяйства. Историческая жизнь не идетъ такими скачками, и нельзя себѣ представить одновременное существованіе соціализаціи земли и трудового пользованія ею при наличности частной собственности на капиталъ и сохраненіи всѣхъ видовъ ренты, кромѣ поземельной.

Съ этой точки зрѣнія конструкція, которую представляетъ программа, должна считаться совершенно утопическою. Это не передача земли въ руки государства, какъ ее предлагаютъ сторонники національзаціи земли, что вполнѣ мирится съ капиталистическими отношеніями, а пользованіе землею въ предѣлахъ потребительной нормы на основаніи собственнаго труда, т. е. такое состояніе общества, когда въ сферѣ сельскаго хозяйства исчезаютъ отношенія между хозяиномъ и работникомъ, тогда какъ на ряду съ этимъ предполагается фабрика съ наемными рабочими, остается городъ въ современной его организаціи, основанной на признаніи частной собственности на орудія производства.

Но и съ точки зрѣнія идеала эта конструкція представляется неясною. Разъ земля дѣлается общенароднымъ, а не государственнымъ достояніемъ, то непонятно, какую роль будетъ въ такомъ строѣ играть государство. Въ сферѣ сельско-хозяйственныхъ отношеній государство вытѣсняется органами самоуправленія. Государству предо-

ставляется только собственность на нѣдра, тогда какъ въ сферѣ приложенія фабричнаго труда на государство возлагается цѣлый рядъ функцій: законодательное регулированіе рабочаго дня, законодательная охрана труда во всѣхъ отрасляхъ производства и торговли, страхованіе во всѣхъ его видахъ.

Какъ примирить такое отношеніе къ государству въ одной сферѣ съ игнорированіемъ его въ другой?

Какъ строить такія глубокія преобразованія въ сферѣ землевладѣнія и землепользованія на распространенномъ среди крестьянъ убѣжденіи, что земля ничья, даръ Божій, не могущій быть предметомъ частнаго обладанія? Можно ли, наконецъ, доказать, что крестьяне вкладываютъ въ эту формулу то, что вкладываютъ въ нее соціалисты-революціонеры? Насколько можно судить по многочисленнымъ заявленіямъ защитниковъ такихъ воззрѣній на съѣздахъ и совѣщаніяхъ по аграрному вопросу, идея національзаціи представляется все-таки въ довольно неясномъ свѣтѣ. Такъ, сторонники національзаціи обыкновенно торжественно заявляютъ, что всякая программа, которая можетъ разсчитывать на успѣхъ среди сельскаго населенія, должна быть проникнута тою идеею, которая глубоко сидитъ въ народномъ самосознаніи. Эта идея—національзація земли; поэтому аграрная программа должна исходить отъ этой идеи. Отсюда вытекаетъ, что вмѣсто перечисленія отдѣльныхъ разрядовъ земледѣльческаго населенія, подлежащихъ надѣленію, необходимо провозгласить право на землю. Однако, на-ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ заявленія, что крестьяне, которые считаютъ землю даромъ Божьимъ, ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ, чтобы земли, принадлежащія сосѣднимъ помѣщикамъ, были переданы кому-либо, кромѣ нихъ самихъ; чтобы государство воспользовалось ими для переселенія изъ другихъ мѣстностей хотя бы очень малоземельныхъ крестьянъ. При чемъ же тутъ идея національзаціи? Національзація сводится въ данномъ случаѣ къ тому, чтобы отнять землю у помѣщиковъ и передать ее ближайшимъ крестьянамъ, при томъ въ собственность, несмотря на то, что имѣются крестьяне, можетъ быть, гораздо болѣе нуждающіеся въ землѣ, имѣющіе, слѣдовательно, гораздо

больше правъ на государственное содѣйствіе въ расширеніи площади землепользованія. „Увеличьте площадь нашего владѣнія, на какихъ хотите условіяхъ; установите, какія хотите, ограниченія относительно пользованія землею, которую хотите передать намъ, но не трогайте нашихъ надѣльныхъ и благопріобрѣтенныхъ земель, купленныхъ потомъ и кровью цѣлаго ряда поколѣній",—заявилъ на апрѣльскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ крестьянинъ одной изъ южныхъ губерній, а между тѣмъ это нисколько не мѣшаетъ людямъ, исповѣдующимъ такія воззрѣнія, считать себя сторонниками націонализаціи. Пока мы стоимъ на почвѣ общихъ идей и принциповъ, идея націонализаціи, понимаемая далеко неодинаково, имѣетъ многочисленныхъ поклонниковъ; каждый спѣшитъ заявить, что онъ сторонникъ этой идеи, что вмѣстѣ съ крестьянами онъ убѣжденъ, что земля должна принадлежать всему народу, что она даръ Божій; а когда этой идеѣ нужно придать конкретную форму и облечь въ форму закона, при томъ намѣтить тѣ мѣропріятія, которыя должны этотъ даръ Божій перевести изъ рукъ нынѣшнихъ владѣльцевъ въ руки народа, тогда выясняется, что послѣдовательное осуществленіе этой идеи далеко не такъ просто, что оно встрѣчаетъ огромныя затрудненія среди самихъ крестьянъ. На практикѣ мы тогда встрѣчаемъ мѣропріятія, которыя мало имѣютъ общаго съ тѣми декларацiями, съ которыми такъ часто выступаютъ на всякаго рода публичныхъ собраніяхъ.

III. Аграрный вопросъ въ программахъ соціалистическихъ партій во Франціи и въ Германіи.

Если обратимся къ аграрнымъ программамъ западно-европейскихъ соціалистическихъ партій, то увидимъ, что онѣ построены на совершенно другихъ началахъ.

Возьмемъ, напримѣръ, аграрную программу французской рабочей партіи. Она выработана на 10 національномъ конгрессѣ въ Марселѣ въ 1892 г. и дополнена на 12 конгрессѣ въ Нантѣ въ 1894 г.; съ тѣхъ поръ она не подвергалась измѣненіямъ (Programme agricole du parti ouvrier français commenté par Paul Lafargue).

Что же она предлагаетъ, какія требованія она предъявляетъ? На первомъ мѣстѣ стоитъ установленіе минимальной рабочей платы чрезъ посредство синдикатовъ сельскихъ рабочихъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

Изъ этого видно, что плата, какъ таковая, признается, т. е. признаются отношенія между предпринимателемъ и рабочимъ, тогда какъ основною идеею программы соціалистовъ-революціонеровъ является трудовое пользованіе землею, несовмѣстимое съ наемнымъ трудомъ.

Вторымъ пунктомъ является учрежденіе промысловыхъ судовъ. Требованіе это мирится и съ программами, которыя могутъ исходить и отъ партій, ничего не имѣющихъ общаго съ соціализмомъ.

Болѣе важное значеніе имѣютъ пункты третій и четвертый, въ силу которыхъ воспрещается продажа общинныхъ земель, на государство возлагается обязанность предоставлять общинамъ принадлежащія государству невоздѣланныя земли, а общинамъ предлагается предназначать остатки отъ бюджетовъ на расширеніе общинной собственности. Принадлежащія общинамъ земли, а также полученныя отъ государства или купленныя общинами, должны передаваться въ пользованіе безземельнымъ

семьямъ, объединеннымъ въ товарищества, подъ условіемъ взноса извѣстной платы на нужды общиннаго призрѣнія, съ обязательствомъ не прибѣгать къ наемному труду.

Такъ какъ эти два пункта можно считать основными, то на нихъ стоитъ остановиться. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ программѣ совершенно не упоминается о принудительномъ отчужденіи, а тѣмъ менѣе о конфискаціи частновладѣльческихъ земель. Программа не идетъ дальше того, чтобы употреблять бюджетные остатки на пріобрѣтеніе земли, безъ всякаго указанія на то, что это должно совершаться какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ сдѣлокъ купли-продажи. Чтобы устранить всякое предположеніе о принудительномъ отчужденіи, достаточно указать на то, что въ пунктѣ четвертомъ прямо говорится о земляхъ, *купленныхъ* общиною. На общинныхъ земляхъ предполагается устраивать особыя товарищества безземельныхъ; слѣдовательно, рѣчь идетъ не о поземельномъ устройствѣ крестьянъ вообще, не о замѣнѣ частной собственности на землю общенародною или государственною, а объ опытахъ организаціи товариществъ на новыхъ началахъ. Такимъ образомъ, нынѣшніе владѣльцы могутъ совершенно спокойно отнестись къ программѣ рабочей партіи; она имъ ничѣмъ не угрожаетъ, они остаются попрежнему собственниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого видно, что программа французской рабочей партіи даетъ много меньше, чѣмъ программы тѣхъ нашихъ партій, которыя высказываются за принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель. Даже по отношенію къ государственнымъ землямъ программа рабочей партіи проявляетъ большую осторожность: она требуетъ передачи общинамъ только тѣхъ земель, которыя въ данное время не находятся въ обработкѣ.

Далѣе, программа требуетъ устройства пенсіонной кассы для инвалидовъ и стариковъ на счетъ спеціальнаго налога, падающаго на крупную собственность, организаціи дешевой медицинской помощи и отпуска лѣкарствъ по своей цѣнѣ, содержанія семействъ запасныхъ во время призыва на счетъ государства, департамента и общины, покупки или найма общиною земледѣльческихъ машинъ

для даровой раздачи въ пользованіе мелкимъ земледѣльцамъ, образованія товариществъ сельскихъ рабочихъ для покупки удобренія, сѣмянъ и пр. и для продажи продуктовъ.

Всѣ перечисленныя выше мѣры входятъ въ сферу соціальной политики. Нѣкоторыя изъ нихъ уже осуществляются во многихъ странахъ. Достаточно отмѣтить, что нѣкоторыя наши земства съ успѣхомъ выполняютъ часть тѣхъ функцій, которыя вошли въ програму рабочей партіи.

Изъ остальныхъ восьми пунктовъ вниманія заслуживаютъ два: одинъ объ отмѣнѣ всѣхъ косвенныхъ налоговъ съ доходовъ, превышающихъ 3.000 фр., другой о регулированіи аренды.

Что касается отмѣны косвенныхъ налоговъ, то въ программѣ предусмотрѣно, что мѣра эта не можетъ быть немедленно введена. Это подтверждается оговоркой, что до ея осуществленія предполагается освободить отъ поземельнаго налога собственниковъ, обрабатывающихъ землю собственнымъ трудомъ. Что же касается регулированія аренды, по образцу Ирландіи, то этотъ пунктъ введенъ и въ программы партій, не принадлежащихъ къ соціалистическимъ.

Я не имѣю въ виду останавливаться здѣсь на полной оцѣнкѣ программы рабочей партіи во Франціи; для меня важно установить, во-первыхъ, какъ далека она отъ программы соціалистовъ-революціонеровъ, во-вторыхъ, какъ осторожно относятся къ частной собственности на землю въ другихъ странахъ.

Едва ли кто будетъ оспаривать, что предложенныя рабочею партіею реформы вполнѣ мирятся съ частною собственностью. Эта программа составлена въ 1892 г.; съ тѣхъ поръ соціалистическія идеи получили во Франціи большое распространеніе; тѣмъ не мѣнѣе программа не подверглась измѣненіямъ.

Могутъ, конечно, сказать, что Франція страна мелкаго землевладѣнія, что въ ней буржуазные инстинкты очень сильны, что соціалъ-демократія не могла поэтому оказать большого вліянія на крестьянство. Стоитъ только обра-

титься къ Германіи, чтобы убѣдиться, что такое предположеніе неосновательно.

Въ самомъ дѣлѣ, что предлагалось на соціалистическихъ конгрессахъ по аграрному вопросу въ Германіи? Вопросъ этотъ подвергался обстоятельному обсужденію на бреславльскомъ конгрессѣ въ 1895 г. Въ особой подкомиссіи, въ которой принимали участіе Бебель, Либкнехтъ, Молкенбуръ, Шиппель и Шенланкъ, все извѣстные дѣятели партіи и люди съ крупными именами въ соціалистической литературѣ, была выработана аграрная программа для сѣверной Германіи.

Основные пункты этой программы заключаются въ слѣдующемъ: организація государственнаго ипотечнаго кредита и государственнаго страхованія движимости и недвижимости; постройка и содержаніе дорогъ и регулированіе потоковъ государствомъ; превращеніе имуществъ мертвой руки, церковныхъ и монастырскихъ въ публичную собственность; уничтоженіе фидеокомиссовъ; образованіе принудительныхъ товариществъ для меліорацій, осушенія, обводненія и предоставленіе имъ государственнаго кредита; сохраненіе общиннаго имущества и общинныхъ правъ на воды, лѣса и пастбища; устройство публичныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ и опытныхъ станцій; правильные курсы по сельскому хозяйству съ безплатнымъ обученіемъ и содержаніемъ; удешевленіе тарифовъ; превращеніе частныхъ лѣсовъ въ общественное имущество; свободная охота на своей и на арендованной землѣ; вознагражденіе за поврежденія, произведенныя дичью; сельско-хозяйственныя камеры и третейскіе суды; обязательное страхованіе болѣзней для лицъ съ доходомъ до 2.000 м.; безплатная ветеринарная помощь.

Если изъ этихъ 13 пунктовъ выдѣлить требованія о сохраненіи общинной собственности и о превращеніи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и частныхъ лѣсовъ въ общественное имущество, то мы имѣемъ мѣропріятія соціально политическаго характера, не могущія встрѣтить возраженій и со стороны противниковъ соціализма. Программа не требуетъ, однако, принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, а между тѣмъ Бебеля или

Либкнехта нельзя, кажется, упрекнуть въ защитѣ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ программѣ, выработанной подкомиссіею для средней Германіи, состоявшей изъ Бока, Гуго, Каценштейна, Шульце и Кварка, къ вышеприведеннымъ требованіямъ присоединяются слѣдующія: обработка государственныхъ и общинныхъ земель на собственный счетъ или сдача въ аренду товариществамъ сельскихъ рабочихъ или самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ подъ наблюденіемъ государства и общины; ограниченіе и постепенное устраненіе посредничества въ торговлѣ сельско-хозяйственными продуктами путемъ поддержки товариществъ; право арендатора на пониженіе арендной платы чрезъ посредство особыхъ третейскихъ судовъ. Имѣются еще нѣкоторые пункты, въ которыхъ эта программа отличается отъ программы, выработанной для сѣверной Германіи; такъ, она предлагаетъ предоставить общинамъ право на преимущественную покупку имѣній, поступающихъ въ продажу съ торговъ. Въ общемъ обѣ эти программы все же стоятъ на одинаковой почвѣ.

Подробнѣе изложена программа подкомиссіи для южной Германіи, въ которую вошли Басслеръ, Биркъ, Давидъ, Бекъ и Фолмаръ. Она устанавливаетъ, какъ принципъ, планомѣрную организацію народнаго продовольствія путемъ усиленія воздѣйствія государства на производство и сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; требуетъ экспропріаціи латифундій и распространенія техническаго надзора и промышленнаго рабочаго законодательства на крупное землевладѣніе, покупки общинами крестьянскихъ имѣній, поступающихъ въ продажу съ торговъ, по цѣнѣ не свыше оцѣночной суммы; требуетъ, чтобы владѣльцамъ было предоставлено право предлагать общинѣ свои участки въ продажу съ тѣмъ, чтобы общинѣ предоставлено было право оставлять имъ же участки въ пользованіе. Государственныя земли должны быть предназначены на устройство образцовыхъ имѣній, на расширеніе общинной собственности и на раздачу ихъ за опредѣленную плату въ пользованіе тѣмъ, которые ихъ будутъ обрабатывать собственнымъ трудомъ. Участки должны быть такого размѣра, чтобы, обрабатывая ихъ, семья

могла получать полное содержаніе. Государство должно открывать общинамъ кредитъ на покупку и устройство такихъ участковъ, на разработку пустошей, меліорацій, улучшеніе скотоводства и пр., а также на содѣйствіе товариществамъ. Наконецъ, программа высказывается въ пользу регулированія аренды по доходности и вознагражденія за произведенныя улучшенія.

Не привожу остальныхъ пунктовъ, такъ какъ они совпадаютъ съ программами другихъ подкомиссій. Правда, программа для южной Германіи выдвигаетъ, помимо удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія, еще нѣсколько въ высшей степени важныхъ требованій принципіальнаго характера, какъ отчужденіе латифундій, права покупки крестьянскихъ участковъ и раздачи ихъ въ пользованіе, устройство образцовыхъ имѣній на государственныхъ земляхъ, государственный кредитъ для покупки земель общинами, но при всемъ томъ основной тонъ программы носитъ характеръ защиты мелкой крестьянской собственности. Имѣются, правда, весьма робкія попытки воспитанія населенія въ духѣ соціализма, для чего предлагается устраивать имѣнія на трудовыхъ началахъ; но эти пункты программы положительно теряются въ массѣ другихъ, носящихъ характеръ соціально-политическихъ мѣропріятій, въ пользу которыхъ обыкновенно высказываются защитники мелкой собственности. Въ высшей степени характерно то, что такіе глубокіе знатоки крестьянскаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ видные члены соціалъ-демократической партіи, какъ Бебель, Либкнехтъ, Давидъ, Фолмаръ, соблюдаютъ по отношенію къ частному землевладѣнію большую осторожность; не всѣ они высказываются даже за такую мѣру, какъ экспропріація латифундій. Всѣ остальныя мѣры, какъ бы онѣ ни были раціональны сами по себѣ, принадлежатъ все-таки совершенно не къ тѣмъ радикальнымъ средствамъ, которыя предлагаются у насъ для разрѣшенія аграрнаго вопроса.

Но если отрѣшиться отъ программъ отдѣльныхъ подкомиссій и остановиться на проектѣ, предложенномъ аграрною комиссіею, то она является еще болѣе скромною по своимъ требованіямъ. Мы не находимъ тамъ даже экспропріаціи латифундій. Программа высказывается за

отмѣну всякихъ привилегій и преимуществъ, связанныхъ съ землевладѣніемъ, за расширеніе государственной и общинной собственности, превращеніе имущества церквей, корпорацій у монастырей, лѣсовъ и водныхъ силъ въ публичную собственность, за преимущественное право покупки общиною поступающихъ въ продажу съ торговъ имѣній, устройство собственнаго хозяйства на государственныхъ и общинныхъ земляхъ, передачу ихъ въ аренду товариществамъ сельскихъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ, а гдѣ то и другое невозможно, за передачу ихъ въ аренду тѣмъ, которые ведутъ хозяйство личнымъ трудомъ. Далѣе, программа предлагаетъ кредитъ общинамъ и принудительнымъ союзамъ для меліорацій, устройства и содержанія плотинъ; возлагаетъ на государство содержаніе дорогъ и пр.; требуетъ огосударствленія ипотечнаго кредита и страхованія движимости и недвижимости; сохраненія и расширенія правъ на пастьбу скота и пользованіе лѣсомъ на всѣхъ, принадлежащихъ къ общинѣ; права охоты на своихъ и арендованныхъ земляхъ, вознагражденія за причиненные дичью убытки.

Проектъ этотъ былъ отклоненъ; сторонникамъ Каутскаго удалось найти большинство; но такъ какъ взамѣнъ этой программы не было предложено ничего другого, то депутаты рѣшили проводить въ ландтагахъ тѣ предложенія, которыя были отклонены соціалъ-демократическимъ конгрессомъ въ Бреславлѣ. Поэтому для характеристики воззрѣній соціалъ-демократіи гораздо большее значеніе имѣетъ предложенныя аграрною комиссіею и отдѣльными подкомиссіями программы, осуществляющіяся частями на практикѣ въ отдѣльныхъ государствахъ, чѣмъ принятая конгрессомъ резолюція Каутскаго.

Резолюція эта гласитъ слѣдующее: программа аграрной комиссіи исходитъ изъ того, что положеніе крестьянства можетъ быть улучшено, слѣдовательно, частная собственность можетъ быть укрѣплена; что интересы сельскохозяйственной культуры совпадаютъ въ современномъ общественномъ строѣ съ интересами пролетаріата, тогда какъ при существованіи частной собственности на орудія производства интересы сельско-хозяйственной культуры, равно какъ и интересы промышленности являются интереса-

ми собственниковъ средствъ производства, эксплоатирующихъ пролетаріатъ. Кромѣ того, программа предоставляетъ государству эксплоататоровъ новыя орудія для господства и этимъ затрудняетъ классовую борьбу пролетаріата. Наконецъ, она возлагаетъ на капиталистическое государство задачи, которыя съ успѣхомъ можетъ выполнить только государство, въ которомъ пролетаріатъ завоевалъ политическую власть *).

Итакъ, прямолинейные марксисты остались вѣрны доктринѣ, они отвергли программу и ограничились тѣмъ, что рѣшили основательно изучить вопросъ. Результаты этого изученія неизвѣстны, соглашенія между составителями программы и сторонниками Кауцкаго не произошло; напротивъ, именно послѣ бреславльскаго конгресса появились работы ревизіонистовъ, которыя имѣли большой успѣхъ.

Не могу въ заключеніе не отмѣтить, что рѣчи участниковъ конгресса, особенно Бебеля и Давида, поражаютъ умѣренностью требованій. Онѣ свидѣтельствуютъ о пониманіи конкретныхъ условій и о стремленіи идти въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса эволюціоннымъ, а не революціоннымъ путемъ.

*) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der social-demokratischen Partei Deutschlands, abgehalten Breslau. Berlin. 1895.

IV. Аграрный вопросъ въ программѣ партіи демократическихъ реформъ.

Чѣмъ позже возникаетъ какая-нибудь партія, тѣмъ легче выработать программу, которая свободна отъ ошибокъ. Она получаетъ готовое наслѣдіе, можетъ воспользоваться критическою оцѣнкою, которой подверглись программы раньше возникшихъ партій, и потому можетъ формулировать свои основныя положенія точно и ясно. По основнымъ пунктамъ аграрная программа партіи демократическихъ реформъ всего больше примыкаетъ къ конституціонно-демократической партіи, но она отличается отъ послѣдней большею подробностью.

„Мы признаемъ необходимымъ, — говоритъ партія,— болѣе точное опредѣленіе категорій лицъ, имѣющихъ право на надѣленіе землею, высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣленія и способъ оцѣнки принудительно отчуждаемой земли; мы стоимъ за огражденіе неприкосновенности мелкихъ земельныхъ владѣній, за ограниченіе размѣровъ крупныхъ владѣній, за возможно большее увеличеніе государственнаго земельнаго запаса“. Если бы этой партіи удалось правильно разрѣшить поставленные вопросы, дать на нихъ опредѣленный отвѣтъ, ея программа могла бы получить огромное значеніе, она объединила бы всѣхъ тѣхъ, которые, не прибѣгая къ насильственному перевороту и къ ломкѣ существующаго строя, стремятся, тѣмъ не менѣе, къ тому, чтобы въ окончательномъ итогѣ земля сдѣлалась достояніемъ тѣхъ, которые ее обрабатываютъ. Но удалось ли это партіи демократическихъ реформъ? Представляетъ ли большая опредѣленность, къ которой она стремилась, дѣйствительное преимущество предъ другими близкими ей программами? При полномъ согласіи съ конечными цѣлями, которыя преслѣдуетъ аграрная программа этой партіи, я не могу

все-таки сказать, чтобы ей удалось выполнить эту задачу. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, я обращусь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ ея положеній.

Чтобы обезпечить поселянъ землею, по ст. 37, необходимо „надѣлить безземельныхъ и прежде всего обезпечить землею тѣхъ изъ нихъ, которые ведутъ хозяйство на арендуемой землѣ"; далѣе необходимо „увеличить площадь землепользованія малоземельныхъ... Въ отношеніи обезпеченія поселянъ землею слѣдуетъ установить, что низшимъ размѣромъ надѣленія признается высшій или указный надѣлъ 1861 г. Надѣленіе ниже этого крайняго предѣла допускается лишь въ силу прямой невозможности въ данномъ мѣстѣ отвести землю по такой нормѣ и только при нежеланіи крестьянъ выселяться. Но вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ, слѣдуетъ надѣлять сверхъ этой низшей нормы, стараясь приблизиться къ такому размѣру землевладѣнія, который можетъ быть обработанъ собственными силами земледѣльца, ведущаго хозяйство по системѣ, господствующей въ данной мѣстности".

Если оставить въ сторонѣ программы, которыя основаны на немедленной передачѣ всѣхъ частновладѣльческихъ земель трудящемуся населенію, то предъ нами самая обширная аграрная программа. Для программы политической партіи этого, однако, еще недостаточно, а необходимо выяснить, въ какой мѣрѣ она осуществима.

Если бы мы имѣли дѣло съ союзомъ или ученымъ обществомъ, осуществимость программы не могла бы служить критеріемъ для ея оцѣнки. Совсѣмъ другое дѣло, когда программа выдвинута политическою партіей.

Партія говоритъ о надѣленіи безземельныхъ и предлагаетъ обезпечить прежде всего тѣхъ изъ нихъ, которые ведутъ хозяйство на арендуемой землѣ.

Слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть провозглашеніе права всякаго гражданина на землю? Такое предположеніе было бы неумѣстно, если бы на-ряду съ безземельными не было указанія на то, что *прежде всего* подлежатъ надѣленію тѣ, которые ведутъ хозяйство. Это даетъ право придти къ заключенію, что имѣется въ виду надѣлить и тѣхъ, которые теперь не ведутъ хозяйства. Такая формулировка открываетъ очень широкій просторъ для толкованія. Пар-

тія, которая говоритъ о правѣ на землю, должна, по моему мнѣнію, устанавливать аналогичные принципы и въ другихъ частяхъ програмы. То государство, которое обязано надѣлять всѣхъ землею, обязано надѣлять и другими орудіями производства, потому что капиталъ для тѣхъ, которые желаютъ приложить трудъ къ какому-нибудь промыслу, есть такое же необходимое орудіе, какое представляетъ земля для земледѣльца.

Если же составители програмы не имѣли въ виду провозгласить права на землю, то имъ слѣдовало бы избѣгнуть такой неточной и неясной формулировки.

Что касается размѣровъ надѣленія землею, то конечною цѣлью считается трудовая норма, низшею нормою признается высшій надѣлъ 1861 г.

Надѣленіе по трудовой нормѣ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, отнести къ области мечтаній, особенно если при этомъ имѣть въ виду хозяйство, какое ведется въ настоящее время. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имѣется достаточное количество государственныхъ и частновладѣльческихъ земель, изъ которыхъ можно было бы надѣлять землею и въ этихъ размѣрахъ, то зато имѣются и такія, въ которыхъ очень мало земель. Поэтому, чѣмъ шире мы будемъ надѣлять однихъ крестьянъ, тѣмъ меньше останется для другихъ. Можно, напримѣръ, щедро надѣлить населеніе въ Самарской, Симбирской, Херсонской и въ Таврической губерніяхъ, но тѣмъ хуже будетъ положеніе въ Кіевской, Подольской, Бессарабской и друг. губерніяхъ. Реформа будетъ лишена стройности и однообразія, одни не получатъ земли въ предѣлахъ высшей нормы 1861 г., другіе будутъ пользоваться трудовою нормою. Разъ количество земли, подлежащей отчужденію, назначается въ зависимости отъ потребностей поселянъ въ данной мѣстности, а потребности эти опредѣляются очень широко по трудовой нормѣ, то поселянамъ другихъ мѣстностей нельзя будетъ разсчитывать, можетъ быть, и на гораздо болѣе скромное надѣленіе.

Если трудовая норма выдвинута для того, чтобы опредѣлить направленіе, въ которомъ должна быть проведена реформа, а не для того, чтобы положить ее въ основу надѣленія, то противъ нея спорить не приходится, но

она тогда теряетъ реальный характеръ. Это такая же теоретическая норма, какъ продовольственная норма.

Можетъ ли быть принята норма высшаго надѣла 1861 г., какъ минимумъ? При наличности противорѣчивыхъ взглядовъ относительно запаса земель, могущихъ быть фондомъ для дополнительнаго надѣленія, говорить о высшемъ надѣлѣ 1861 г., какъ о минимумѣ, было бы крайне неосмотрительно. Норма 1861 г. сама по себѣ еще ничего не говоритъ; всякая другая норма, въ пользу которой могутъ быть приведены какіе-нибудь самостоятельные доводы, а не ссылка на то, что въ пользу ея высказались 45 лѣтъ тому назадъ, заслуживала бы, по моему мнѣнію, предпочтенія. Экономическія и бытовыя условія съ тѣхъ поръ измѣнились. Если закрѣпленіе, хотя и не въ полномъ объемѣ, за крестьянами того количества земли, которую они обрабатывали для себя при крѣпостномъ правѣ, имѣло въ 1861 г. извѣстное значеніе, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы эта норма сохранила свое значеніе и теперь. За 45 лѣтъ измѣнились и отношенія между крестьянами и помѣщиками. Если при освобожденіи крестьянъ обязанность надѣленія падала на помѣщиковъ, то теперь эта обязанность переносится на государство.

Неясно также, что значитъ надѣлять сверхъ этой нормы „вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ". Отвѣтить на это можно только тогда, когда, кромѣ нормы надѣленія, указаны и предѣлы отчужденія. На этотъ счетъ мы находимъ слѣдующія ограниченія: „для частнаго землевладѣнія устанавливается высшій размѣръ, опредѣляемый въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ различно, при чемъ все количество земли, превышающее этотъ предѣлъ, можетъ подлежать отчужденію, независимо отъ потребностей поселянъ въ данной мѣстности".

Это значитъ, что устанавливаются двѣ градаціи: одна въ зависимости отъ потребностей *мѣстныхъ* крестьянъ, другая независимо отъ этого. Первая идетъ гораздо дальше второй; предѣломъ для отчужденія въ первомъ случаѣ служитъ количество земли, не превышающее 100 дес., вторая имѣетъ своимъ предѣломъ высшій размѣръ землевладѣнія.

Итакъ, пока имѣется земля, которая можетъ быть при-

годна для надѣленія крестьянъ данной мѣстности по трудовой нормѣ, она подлежитъ отчужденію цѣликомъ, если не ведется собственнаго хозяйства, и до 100 дес., если ведется хозяйство.

Гдѣ имѣются латифундіи и надѣленіе мѣстныхъ крестьянъ не поглотитъ всей земли, тамъ за владѣльцемъ можетъ еще быть сохранено то количество земли, которое не превышаетъ высшаго размѣра,—всѣ же имѣнія средняго размѣра или же крупныя имѣнія, находящіяся въ районахъ, гдѣ населеніе имѣетъ мало земли, должны будутъ уступить всю землю, сверхъ неподлежащаго отчужденію минимума. Впрочемъ, весьма трудно опредѣлить, какія послѣдствія имѣло бы проведеніе такого постановленія, не только потому, что у насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній, но и потому, что мы не находимъ въ программѣ никакихъ указаній на то, что такое „данная мѣстность“. Программа говоритъ о поселянахъ *данной* мѣстности, но мы не знаемъ, ограничивается ли это ближайшими поселянами въ буквальномъ смыслѣ слова или же распространяется на всѣхъ тѣхъ, которые, нуждаясь въ землѣ, могутъ получить ее безъ переселенія.

Мы не будемъ говорить о максимумѣ владѣнія. Упоминаніе объ этомъ въ программѣ весьма умѣстно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ было бы желательно дать болѣе точное опредѣленіе этому максимуму.

Что касается низшаго предѣла владѣнія, то и противъ 100 дес. ничего нельзя возразить; можно было бы даже установить и меньшую норму, если бы къ этому не было прибавлено, что отчужденію такія имѣнія не подлежатъ лишь тогда, когда собственникъ ведетъ самостоятельное хозяйство. Другими словами, имѣнія безъ самостоятельнаго хозяйства подлежатъ отчужденію независимо отъ размѣра; не только 100 дес., но и 10—15 дес. будетъ отчуждено, если только на нихъ не ведется хозяйства. Между тѣмъ, если участокъ сдается въ аренду, то это еще не исключаетъ того, что завтра на немъ будетъ введено самостоятельное хозяйство. Возможны и обратные случаи. Поэтому всякому мелкому владѣльцу грозитъ опасность отчужденія, какъ только почему-либо хозяйство разстроится, и придется хотя бы и на время сдать въ аренду. Думаю,

что экспропріація мелкихъ собственниковъ, хотя бы и не ведущихъ хозяйство, вызыветъ такое сопротивленіе, что объ осуществленіи этой операціи, независимо отъ всякихъ другихъ возраженій, не можетъ быть и рѣчи. Во всякомъ случаѣ не лишено интереса отмѣтить, что социалъ-демократы въ Германіи давно уже отказались отъ мысли экспропріировать мелкихъ собственниковъ.

Мнѣ кажется, что слѣдовало бы съ большою осмотрительностью отнестись къ отчужденію имѣній, въ которыхъ ведется хозяйство. Оставить внѣ отчужденія только низшій предѣлъ владѣнія значитъ уничтожить массу хозяйствъ, притомъ лучшихъ, а также тѣхъ, въ которыхъ имются промышленныя заведенія. Значительная часть такихъ имѣній будетъ обречена на исчезновеніе, потому что веденіе хозяйства на площади въ нѣсколько десятковъ или въ сто десятинъ для такого рода имѣній не всегда возможно, а крестьянское населеніе далеко не вездѣ сумѣло бы сразу, теперь же приспособить свое хозяйство къ требованіямъ, предъявляемымъ промышленными предпріятіями.

Всѣ эти возраженія отпадаютъ, когда рѣчь идетъ о выкупѣ земли, сдающейся въ аренду, или объ измѣненіи системы хозяйства въ смыслѣ сокращенія площади. Такъ отчужденіе имѣній не встрѣчаетъ, по моему мнѣнію, никакихъ возраженій; оно не было бы связано съ ломкою хозяйства. Между тѣмъ опредѣленіе предѣла принудительнаго отчужденія въ зависимости отъ нужды мѣстныхъ крестьянъ, какъ это предлагаетъ программа, можетъ изъять отъ отчужденія массу сдающихся въ аренду земель.

Спрашивается, возможенъ ли полный выкупъ всѣхъ крупныхъ имѣній, въ которыхъ ведется собственное хозяйство и имѣются промышленныя заведенія; соотвѣтствуетъ ли онъ интересамъ всего государства и въ частности крестьянскаго населенія. Можно въ принципѣ признавать въ высшей степени желательнымъ исчезновеніе крупныхъ экономій и всякаго рода капиталистическихъ предпріятій сельско-хозяйственнаго характера, но это еще не значитъ, чтобы проведеніе такой мѣры могло быть дѣломъ завтрашняго дня. Разъ веденіе хозяйства при та-

комъ отчужденіи становится невозможнымъ, приходится выкупать имѣнія въ полномъ составѣ, оставляя лишь тѣ, которыя могутъ продолжать существованіе при сохраненіи площади до 100 дес.; между тѣмъ имѣнія эти даютъ большой заработокъ окрестному населенію, въ нихъ вложены большіе капиталы, которые въ той или иной формѣ доставляютъ нѣкоторыя выгоды и деревнѣ.

Иначе разрѣшается вопросъ, когда мѣстные крестьяне надѣлены достаточнымъ количествомъ земли, тогда владѣльцы могутъ оставить за собою землю въ предѣлахъ высшаго размѣра, хотя бы они не вели хозяйства, а сдавали въ аренду.

Такимъ образомъ предѣлы отчужденія опредѣляются въ зависимости отъ того, нужна ли земля для мѣстныхъ крестьянъ или для тѣхъ, которые могутъ быть переселены изъ другихъ мѣстностей. Можетъ оказаться, что обширныя площади земель, сдающіяся въ аренду, останутся за прежними владѣльцами, и на ряду съ этими въ другихъ мѣстностяхъ будутъ подлежать отчужденію имѣнія, въ которыхъ ведется собственное хозяйство и имѣются промышленныя заведенія. Это, по нашему мнѣнію, совершенно неправильно. Было бы, по моему мнѣнію, цѣлесообразнѣе расширить отчужденіе имѣній, въ которыхъ не ведется хозяйства; отчужденіе же имѣній, въ которыхъ ведется собственное хозяйство или имѣются производства промышленнаго характера, производить съ большею осторожностью, съ большею пощадою. Каковы будутъ результаты въ цифрахъ, сократится ли отъ этого въ значительной степени государственный земельный фондъ, на это трудно дать точный отвѣтъ, но я все-таки не думаю, чтобы предложенная въ программѣ система заслуживала предпочтенія предъ тою, которая на первый планъ выдвигаетъ земли, сдающіяся въ аренду.

Не могу не остановиться на вопросѣ объ оцѣнкѣ отчуждаемыхъ земель. Цѣнность земли опредѣляется, по программѣ, путемъ капитализаціи *нормальной для данной мѣстности доходности* земли, при предположеніи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, вызываемыхъ земельною нуждою.

Прежде всего долженъ указать, что установленіе нор-

мальной доходности будетъ представлять во многихъ случаяхъ непреодолимыя затрудненія; она не избавитъ поэтому отъ спеціальной оцѣнки. Во-вторыхъ, если исходить при оцѣнкѣ отъ дохода, который получается владѣльцемъ при самостоятельномъ веденіи хозяйства, то можетъ получиться чрезвычайно высокая выкупная цѣна, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ правильное веденіе хозяйства не составляетъ исключенія, и дѣйствительный доходъ не отличается рѣзко отъ того, который можетъ быть признанъ нормальнымъ. Программа продиктована желаніемъ служить интересамъ крестьянъ, а не помѣщиковъ, а между тѣмъ въ этомъ пунктѣ мы видимъ совершенно противоположную тенденцію: предполагается закрѣпить болѣе высокій доходъ, тотъ, котораго крестьяне получать не будутъ, и положить его въ основаніе оцѣнки. Что послѣдствія были бы невыгодны для крестьянъ, это показываетъ негодованіе, вызванное на дворянскомъ съѣздѣ въ январѣ нынѣшняго года заявленіемъ представителя Крестьянскаго банка, что при покупкѣ земель банкъ постановилъ принимать въ основаніе оцѣнки не тотъ доходъ, который получался землевладѣльцемъ, а тотъ, который можетъ дать крестьянину его хозяйство. Такъ какъ при такой постановкѣ оцѣнки земли будутъ оцѣниваться дешевле, то защитники крупнаго землевладѣнія не безъ основанія усмотрѣли въ этомъ для себя большую опасность.

Въ-третьихъ, можно ли вездѣ считать доходъ отъ собственнаго хозяйства единственнымъ критеріемъ оцѣнки, дающимъ наиболѣе правильную оцѣнку, наиболѣе отвѣчающую интересамъ крестьянъ? Программа совершенно правильно устраняетъ арендныя цѣны, вызываемыя земельною нуждою, но, съ другой стороны, далеко не всегда арендныя цѣны ниже дохода отъ собственнаго хозяйства. Для нѣкоторыхъ мѣстностей можно положительно усомниться, будетъ ли достигнута болѣе низкая выкупная цѣна, если въ основаніе будетъ положенъ нормальный доходъ отъ собственнаго хозяйства, а не арендный доходъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыми представителями южныхъ губерній на делегатскомъ съѣздѣ было заявлено, что собственное хозяйство нерѣдко приноситъ большій доходъ, чѣмъ аренда. Кромѣ того, если уже принимать доходъ

отъ собственнаго хозяйства, то слѣдовало бы при установленіи нормальнаго дохода принять во внимніе кабальныя условія, которыя во многихъ мѣстностяхъ вліяютъ очень благопріятно на доходъ отъ собственнаго хозяйства.

Думаю, что въ программѣ должна быть указана лишь конечная цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться; она должна заключаться въ пониженіи выкупныхъ цѣнъ противъ рыночныхъ; это можетъ быть достигнуто, когда при составленіи оцѣнки будутъ устранены всѣ элементы, носящіе кабальный характеръ.

Въ заключеніе не могу не придти къ заключенію, что при всей своей полнотѣ программа страдаетъ тѣми же недостатками, которые присущи другимъ программамъ; она не даетъ болѣе точнаго опредѣленія категорій лицъ, имѣющихъ право на надѣленіе землею, вноситъ большую ломку въ существующія отношенія, обѣщаетъ, какъ мнѣ кажется, больше, чѣмъ можетъ быть дано. Потому я не могу признать, чтобы она внесла существенныя поправки въ аграрную программу конституціонно-демократической партіи.

